

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

70

МЮНХЕН 1993

СОДЕРЖАНИЕ

В.Пирожкова. Миротворческая роль России	1
В.Пирожкова. Конституционный процесс	3
Г.Горев. Смычка крайностей вчера и сегодня	8
С.Иваненко. Религия и политика в современной России	9
В.Илюшенко. Комплекс Сальери	18
Е.Ефимовский. 40-летие Рейхенгалльского общемонархического съезда	32
Г.Алексенко. Первоначальное имя церкви	37
Р.Гуардини. Религиозные образы в творчестве Достоевского (<i>Продолжение</i>)	39
Протоиерей Д.Константинов. Слово о слепом	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№70

Сентябрь 1993 г.

Мюнхен

В. Пирожкова

МИРОТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ РОССИИ

В части западной печати время от времени мелькают опасения или даже хуже, инсинуации, что Россия то ли намерена, то ли уже преследует старые имперские цели. Причем эти западные журналисты так же, как и русские коммунисты, не умеют делать разницы между Русью, Россией и СССР (см. мою статью в №69). Если Россия выступает против притеснения русскоязычного населения в Эстонии, то это, мол, империализм. И это несмотря на то, что представитель общества по правам человека ван дер Стул указал на то, что новый эстонский закон об иностранцах (еще не подписанный президентом) не соответствует международным нормам прав человека. Но Россия должна молчать. Однако, если бы молчало законное правительство, тем сильнее кричали бы националисты и национал-коммунисты. Впрочем, есть даже западные журналисты, которые просто передергивают и под заголовком "Россия требует того и того" печатают высказывания общества "Память". Однако неискушенный западный читатель, прочтя такой заголовок, может подумать, что "Память" – это и есть российское правительство. И уже если Россию не обвиняют в империалистических склонностях, то во всяком случае совершенно упускают из вида, какую огромную миротворческую работу Россия ведет на самом деле. Целая куча западных организаций с громкими названиями, Общество прав человека, Евр. Содружество, НАТО, международная ООН, наконец, мировая держава США никак не могут уже годами остановить резни в быв. Югославии. Они показали себя совершенно беспомощными.

Между тем над одной Россией нависло такое большое количество разных конфликтов, и все ждут именно от нее одной посредничества и умирения. В Приднестровье, конфликт которого так старались раздуть национал-коммунисты, хотя бы тот

же Невзоров на экране телевидения, России удалось внести успокоение. Не случайно неглупый президент Молдовы Снегур хочет оставаться в СНГ, и остается надеяться, что группа бунтовщиков не сумеет утащить страну в Румынию, где ее жителям, конечно, пришлось бы гораздо хуже.

Грузия, гордо отказавшись войти в СНГ, никак не может справиться со своими проблемами. Внутри нее два президента, законно избранный, Звиад Гамсахурдия, все еще имеющий сторонников, и, собственно говоря, незаконно посаженный на это место повстанцами Эдуард Шеварднадзе (или его следует теперь называть Георгием, так как, видимо, на всякий случай, он принял крещение под этим именем). Но и тайное крещение не помогает ему справиться с проблемой Абхазии, которая не только требует широкой автономии, но и рвется к России. Сначала Шеварднадзе высокомерно обвинял Россию в том, что это якобы она виновата в абхазской проблеме и несет за нее ответственность. Но теперь он уже давно взял другой тон и просит Россию о посредничестве в умирении абхазской проблемы, напоминая ей уже совсем в другом аспекте об ответственности старшего брата в положительном понимании этого термина, брата, который же не может бросить на произвол судьбы всех этих маленьких, разбежавшихся в разные стороны в детской уверенности, что "они и сами с усами" и вполне справятся со всеми своими проблемами. Но уже видят и сами, что справиться одни не могут.

Сложное положение создалось на границе между Таджикистаном и Афганистаном. Помогать защищать границу Таджикистана Россия обязана согласно союзному договору с Таджикистаном, хотя как раз в этой стране сохранилось единственное коммунистическое правительство. Тем не менее, представляется меньшим

злом пока оставить его в покое – долго оно не продержится среди азиатских стран, реформирующих свое хозяйство и отказавшихся от коммунизма, – чем допустить опустошительную гражданскую войну на территории Таджикистана, которую начнут мусульманские фундаменталисты при помощи таких же фундаменталистов из Афганистана. Советский Союз нанес много ран Афганистану, и мы все были тогда против этой войны.

Но, к нашему огорчению, после вывода советских войск из Афганистана мира в этой несчастной стране не наступило. Афганцы сражаются друг с другом, один клан с другим, и нельзя допустить, чтобы эта бесконечная междоусобная война была перенесена на территорию Таджикистана. Положение России затрудняется еще и тем, что пограничные укрепления ведь остались там, где они были, когда еще существовал СССР. Переносить их сейчас – и куда именно – стоило бы таких средств, какими Россия не обладает. Вести новую войну с Афганистаном было бы страшно уже из одних психологических соображений.

Но нужно сказать, что российская дипломатия очень деятельна и не безуспешна в своем стремлении разрешить конфликт мирным путем. Российские дипломаты ведут переговоры не только с Кабулом, но и с Тегераном, привлекая одновременно к совместным действиям азиатские республики бывшего СССР. Россия поступила правильно, не последовав совету Солженицына отринуть от себя все неславянские республики и отказаться вообще иметь с ними дело. Такой совет мог дать только человек, не понимающий геополитических связей, которые невозможно искусственно разрезать, тем более не понимающий, что СССР вел десятилетиями экономику, рассчитанную на все пространство. И так уж всем странам бывшего СССР принесло много бед поспешное разрывание промышленных связей, которые наученные горьким опытом полутора лет республики теперь стремятся восстановить. Мы уже не раз писали, что особенно последователен в этом президент Казахстана Назарбаев. Он же высказал сожаление, что общее командование войсками как-то распалось “явочным порядком”, как он сказал. Но очевидно, что и здесь надо начинать завязывать новые связи.

Со стороны центрально-азиатских ре-

спублик трудностей во всех этих вопросах не предвидится. Очень сложно обстоит дело с Украиной, которая мечется между уже данным ею с самого начала согласием отказаться от статуса ядерной страны и растущим желанием все же сохранить в своих руках ядерный потенциал.

Здесь Украина вступает в конфликт и с западными державами, которые заинтересованы в том, чтобы число ядерных держав не росло. Украина пытается получить от Запада как можно больше денег за то, что она согласится на уничтожение ядерных головок, да еще и гарантию ее безопасности. Одним словом идет торговля о том, что как будто бы уже давно решено. России приходится быть и здесь очень дипломатичной в ее миротворческой роли, чему, конечно, всячески старается помешать Верховный Совет, где старые коммунисты и вполне примкнувший к ним спикер хотели бы разжечь бойню между Россией и Украиной.

Положение Украины тяжелое. Сколько ни критиковали гайдаровскую шоковую терапию, но именно она помогла России при проведении реформ удержаться на известном экономическом уровне. Не случайно сейчас и Назарбаев, и президент Узбекии выражают желание остаться в рублевой зоне. Украина же хотела проводить реформы якобы мягким способом, но пока ей ничего не удалось.

Президент Кравчук знает, что Украина без России не обойдется. После первых взрывов национализма он начал стремиться к сотрудничеству с Россией, не только экономическому, но и политическому. Однако неясно, как твердо сидит сам Кравчук на президентском кресле. Внутри самой Украины еще идет далеко не заживший разрыв между восточной и западной ее частями.

Тем труднее и деликатнее миротворческая роль России по всей огромной территории бывшего СССР. Отдельные наблюдатели западных организаций – это, действительно, лишь наблюдатели. И, не сумев даже умиротворить Югославию, страну, которая лежит в центре Западной Европы, Запад тем более не может даже надеяться примирить все те враждебные ситуации (а мы их пока и не все перечислили: вспомним о Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане), которые возникают на территории бывшего СССР.

Единственная помощь, которую Запад, в том числе и его пресса, могли бы в этом

деле оказать – это лучше понять и оценить миротворческую роль России, помочь ей не вмешательством, которое по незнанию дела – ведь даже живя бок о бок с Югославией западноевропейские политики о ней ничего не знали, – могло бы только ухудшить положение; и не советами, которые опять-таки по некомпетентности помочь бы не могли, а большим сочувствием к России, к ее трудной миссии или хотя бы воздержанием от травли России как якобы

империалистической державы.

Заметим под конец, что и эмигрантская пресса, как бы она ни была незначительна, могла бы тоже помочь России на ее теперешнем трудном пути тем, что она перестала бы обливать грязью некоммунистическую Россию, перестала бы подпевать национал-коммунистам, желающим ее разрушить и вернуть всю власть советам, а затем и компартии.

В. Пирожкова

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Писать о текущем в России процессе в квартальном журнале очень трудно. Между окончанием статьи и тем моментом, когда она попадет в руки читателя проходят не только недели, месяцы. Конкретное положение в России может за это время сильно измениться. Так, например, проект новой конституции может к моменту выхода этого номера журнала в свет оказаться уже принятым и стать действующей конституцией или хотя бы будет принят новый избирательный закон и начнется предвыборная кампания по выборам в парламент, в настоящий парламент, поскольку теперешний совет, реликт из прошедших коммунистических времен, парламентом не является, хотя его многие упорно так называют. Тем не менее, писать о том, что происходит на самом деле в России следует. По меньшей мере, среди эмигрантов существуют самые фантастические представления о посткоммунистической России, особенно среди тех, кто посетить ее не хочет, а таких, увы, большинство. Так, в одной эмигрантской газетке пришлось прочесть, что, мол, нет в России коренных изменений, поскольку герб остается прежним, в чем, конечно, сейчас же обвиняется правительство. Между тем, на самом деле Верховный совет отклонил введение двуглавого орла в качестве нового герба и поэтому приходится оставаться пока при прежнем отжившем гербе. Правительство тут ни при чем, оно хотело сменить герб. Но вот как раз поэтому и нужна новая конституция и выборы в нормальный парламент, который и сменит герб. Что же касается до сношения памятников прежних “вождей”, то и здесь играют роль местные советы – все еще советы.

Отметим, между строк, что во время

моего пребывания в Петербурге, в первой неделе июля 1993 г., там в Московском вокзале был снят памятник Ленину и будет установлен бюст Петра Великого. Все идет понемногу вперед, но вот защищать мавзолей, если его захотят ликвидировать, собрались все старые коммунисты и, исходя из практики двух последних лет, следует думать, что к ним присоединятся националисты и монархисты со своими императорскими штандартами и андреевскими флагами. Коммунисты, во всяком случае, обещают кровопролитие. Отметим еще с краю, что когда я в первой неделе июня с.г. была в Москве, я посетила прекрасно сделанную выставку в честь убиенной императорской семьи, и там при входе был огромный портрет императора Николая II, обрамленный с одной стороны трехцветным российским флагом, а с другой – флагом с цветами императорского штандарта. Так приятно было видеть это сочетание! Ведь два года видишь только сочетание цветов императорского штандарта с кровавым красным флагом. Мне всегда больно это видеть, но что-то не слышно, чтобы монархисты возражали против этого страшного сочетания. Отметим, что национал-коммунисты сравнивают президента Б.Ельцина с генералом А. Власовым: оба поднимали – а президент и теперь поднимает – ненавистный национал-коммунистам и их белым союзникам трехцветный российский флаг.

Когда я покидала Россию, уезжая на поезде из Пскова через кучу новых границ в направлении Берлина 14 июля 1993 г., тогда только что закончило свою работу конституционное совещание. На последнем пленарном заседании этого совещания президент Ельцин сказал хорошую

речь, подчеркивая значение новой конституции. Он особенно настаивал на том, что право собственности – это естественное право и теперь записано в конституции. Это должно особенно успокоить крестьян, берущих землю в собственность. Президент подчеркнул, что их право записано в конституции, что это уже больше не произвол государства, дать землю или не дать, не произвол тех или иных начальников, а незыблемое право, записанное в основном законе. Для крестьян это очень важно, так как они слишком пострадали от коммунистического произвола, слишком во всем изверились. Конечно, коммунисты и их теперешние союзники, националисты, монархисты, вообще все члены “красно-белого союза”, как например, “Союз национального спасения”, один из ведущих членов которого, И.Шафаревич, утверждал даже, что русский народ всегда должен жить в нищете, это, мол, его мораль, стараются внушить крестьянам, что и этой конституции верить не следует. Но все эти красно-белые союзы преследуют при этом лишь свою корыстную цель. До русского народа им дела нет. Доверять конституции можно... когда она будет принята. И это особый вопрос, которого мы еще коснемся.

Президент подчеркнул, что, согласно новой конституции, Россия будет правовым государством. Не может больше в России возникнуть произвола какой-либо одной партии. Собственность граждан и их права были главными пунктами в речи президента. Большие трудности представляет собой федеративное устройство. Оно еще не оформилось и не устоялось, а между тем новую конституцию, может быть, предстоит принимать как раз субъектам федерации. В этом вопросе президент даже сослался на послевоенную Германию, конечно, западную, и на то, как был принят ею основной закон. Однако иные области, видимо, еще не поняли разницы между автономной республикой, населенной нерусской национальностью и чисто русскими областями. Дело здесь не в величине территории или количестве населения. Ельцин справедливо спросил, хочет ли Уральская область, объявившая себя вдруг республикой, вводить наряду с русским еще какой-нибудь другой государственный для этой республики язык? Президент добавил, что есть неясности в экономических отношениях республик и областей, и этот вопрос должен быть как

можно скорее решен.

Между тем, ставшие полностью самостоятельными республики все яснее начинают понимать, как неразумно они поступили, порвав и экономические связи между собой, а особенно с Россией. Премьер-министры России, Украины и Белоруссии заключили тесный хозяйственный союз и говорят о политическом сближении, не глядя на то, что коммунисты и националисты в Верховном совете не ко времени хотят раздуть ссору из-за Севастополя. Нет слов, проблема Крыма вообще и Севастополя в частности для каждого русского – болезненная тема. Хрущев сделал по отношению к России в свое время весьма гадкий поступок. И тем не менее, сейчас не своевременно раздувать эту тему. Приятно, что коммунистам и националистам, вероятно, и коалирующим с ними монархистам, хотелось бы вызвать кровавую войну между Россией и Украиной по примеру войны в Югославии. Они тогда могли бы ловить рыбку в мутной... нет, в кровавой воде. Но оба народа, да и их президенты, особенно российский президент, достаточно мудры, чтобы не допустить “разрешения вопроса” по типу Югославии. Сохрани нас, Боже, от югославского пути! Странно лишь, что славянские республики не пригласили сразу же Казахстан, справедливо на это обиравшийся. Ведь именно Назарбаев говорил все время о необходимости тесного сотрудничества и даже конфедерации.

В своей речи президент Ельцин говорил, конечно, и о разделении властей, вписанных в окончательный проект конституции, но, не имея перед собой этого проекта в окончательном виде, мы не можем сказать, какого же типа республика получается согласно последнему проекту. Некоторые члены совещания, выступая на промежуточных пленарных совещаниях, жаловались, что президентский тип республики размыт, что проект можно скорее назвать парламентской республикой. Правда, после этих выступлений ожидалась еще доработка проекта, но нам так и неизвестно, как же он, в конце концов, выглядит. Возможно, это просто недостаток нашей информации после отъезда из России. Мы можем только подтвердить то, что уже писали, а именно, что мы стоим за президентскую республику с сильной президентской властью.

Ельцин говорил также и о характере будущего избирательного закона, сказав,

что как пропорциональный, так и мажоритарный и смешанный метод имеют свои преимущества и недостатки. Мы здесь снова можем только повторить, что считаем мажоритарный способ лучшим.

Поставленный на голосование конституционного совещания проект конституции получил 74% голосов одобрения. Среди голосовавших были и члены Верховного совета. Только его официальный представитель список Хасбулатов отсутствовал, о чем, впрочем, никто и не жалел.

Как же должна быть принята конституция? Ее может принять съезд, что было бы его последним актом, после чего он бы самораспустился. Трудно этого ожидать... Мэр С.-Петербурга Собчак, указывая на 74% голосов согласия представителей фактически всех слоев российского населения, сказал: "Пусть съезд теперь отклонит эту конституцию, тогда народ будет знать, что это за съезд". Народ, как нам кажется, и без того уже хорошо знает, что это за съезд. На апрельском референдуме Конституционный суд спас его неконституционным трюком, так как две трети пришедших голосовать были за его роспуск и новые выборы.

Конституционный суд, да и прокуратура и теперь еще находятся в руках Верховного совета. Они у них на жалованье. Эти, увы, пока не независимые органы во всем подыгрывают Верховному совету, а, вернее, его сверхчестолубивому спикеру Хасбулатову вкупе со столь же честолубивым вице-президентом Руцким, которого старые коммунисты и намерены использовать как подходящую шахматную фигуру в их игре. Убедившись, что народ не за них, они теперь используют все вышеуказанные учреждения и лица, чтобы замарать разными наветами наиболее стойких сторонников президента и реформ, как то Полторанина, Шумейко, возможно, еще и других. Доказательств у них нет, но ведь давно известен совет Ленина: лепи на спину тrefового туза, что-нибудь да прилипнет. К сожалению, им подпевает все время и правая эмиграция. Если сами коммунисты после референдума поняли, что в лоб президента Ельцина они уже атаковать не могут, народ за него – а потому стараются, как мы уже указали, чернить его окружение (впрочем, теперь придумали новый метод: внушить народу, что президент болен), то правые эмигранты этого еще не поняли и все еще печатают пасквилы на президента. Не критику, нет.

Серьезная деловая критика всегда приемлема, независимо от того, соглашаешься с ней или нет. Но такой критики по адресу президента Ельцина мне не пришлось читать ни в одной правой эмигрантской газете. Они печатали только пасквилы, причем иногда такого низкого пошиба, что невозможно было взять в толк, как их редакции могли пасть столь низко. Коммунисты, конечно, похихикивают. Для них это малая помощь, но если правые для них стараются, то отчего бы их иногда и не погладить по головке, а иногда и приструнить: отошли немного от генеральной линии, дорогие господа-товарищи. Но в общем, это мелочь, на которую и внимания обращать не стоит. Посмотрим, однако, как будут реагировать белые представители "красно-белого союза" на объявление главных тезисов вторым общим собранием "Фронта национального спасения", внутри которого и заключен этот красно-белый союз. Первым требованием весьма агрессивный фронт выдвинул лозунг "Вся власть советам!" Неправда ли, читатель, звучит знакомо? И автора этого лозунга мы, как будто помним: В.И. Ленин. Когда-то младороссы говорили: царь и советы, но для значительной части современных монархистов "царь" уже, видимо, стал лишним. Им хватает советов. Напомним еще и еще раз, что активным членом "Фронта национального спасения", выкинувшим лозунг "Вся власть советам", является И. Шафаревич и одновременно он же – кумир эмигрантских монархистов (хотя нам сдается, что монархистом он себя никогда не называл). Эмигрантские монархические газеты печатают его статьи передовыми, даже те, где он провозглашает, что мораль русского народа требует якобы от него жизни в постоянной нищете. Впрочем, отрицательное отношение к восстановлению российского предпринимательства и свободного российского крестьянства, вернее, фермерства или хуторского хозяйства, это, как кажется, тоже общий пункт между коммунистами и эмигрантскими монархистами, стоящими за плановое хозяйство, за общину, которую, в конце концов, можно называть и колхозом. Так или иначе, при таких тесных персональных связях между эмигрантскими монархистами и национал-коммунистами (Шафаревич, Куняев, Проханов, В. Бондаренко и др.) скептически воспринимаются появляющиеся иногда в эмигрантских газетах вербальные отмежевания от национал-коммунистов.

Союз национального спасения требует затем упразднения поста президента России. Это ясно: антикоммунистический президент стоит самой сильной преградой на их пути к власти. Но и этот пункт, кажется вполне подходит монархистам. "Красно-белый союз" хочет перейти в наступление, возможно, мечтает о путче, хорошо зная, что это было бы действие, направленное против воли большинства народа, ясно высказавшегося на референдуме в апреле.

Между тем Верховный совет, воспользовавшись тем, что президент ушел в отпуск, предпринял все, что мог, чтобы затормозить дальнейшее развитие экономических реформ и конституционного процесса. Начавший стабилизироваться рубль снова сильно упал. Лозунг всех этих вышеозначенных сил тоже ленинский, а именно: чем хуже, тем лучше. Чем больше нам удастся затормозить экономическое развитие страны, чем больше мы поседем смуты, тем легче будет вызвать недовольство народа и перетянуть хоть часть его на свою сторону. Рецепт даже еще более старый, чем ленинский лозунг, следует только перечесть "Катехизис революционера", составленный Бакуниным и Нечаевым.

Увы, мало образованные в этих вопросах правые эмигранты, как уже отмечалось, подыгрывают все время коммунистам, стараясь представить дело так, что плановое социалистическое хозяйство процветало, а вот, мол, именно реформаторы довели народ до ручки, сумев за полтора года разрушить чудное блестящее коммунистическое хозяйство. К нашему великому изумлению, и Солженицын в своем письме к послу Лужину представил дело таким же образом. Между тем, он сам десятками лет писал о том, как коммунистическая система безнадежно разрушает экономику страны. Думается, это столь явно неправильное суждение вызвано нежеланием писателя приехать в Россию и посмотреть самому, какое в ней положение.

Мы можем только повторить, что, когда эта статья дойдет до читателя, произойдут разные события, которые мы в статье, естественно учесть не можем. Тем не менее мы считаем эту как бы хронику событий бесполезной, особенно для тех наших эмигрантских читателей, которые по состоянию здоровья, старости или по иным причинам не могут или не хотят посетить Россию и склонны видеть в некоммунисти-

ческой России все только самое плохое. Издали многое кажется совсем иным, чем оно есть на самом деле.

Более опасным, чем "Фронт национального спасения" и его красно-белый союз вместе с их эмигрантскими помощниками, силы которых весьма слабы, представляется Верховный совет с его главой Хасбулатовым. Они готовятся к "последнему решительному бою", так как понимают, что принятие новой конституции положит конец и их власти, и их очень значительным доходам. В новый парламент, который будет создан в рамках новой демократической конституции, лишь немногие члены теперешнего Верховного совета имеют шансы быть избранными. Все шаги в области экономики Верховного совета, да и неожиданное решение Центрального банка направлены на ликвидацию политики реформ, приватизации и возвращению к социалистическим формам хозяйства. Не будем забывать, что председатель Центрального банка Геращенко зависит от Верховного совета, и если Хасбулатов теперь старается представить дело так, что он был против внезапного обмена банкнот и обещает "защитить население", то это ложь и интрига, а также и обвинение правительству. Министр финансов Федоров даже не знал о той форме, в которой готовилась акция. Не знал об этом и президент, находившийся в заслуженном отпуске. Теперь его указом условия обмена смягчены. Вообще-то обмен валюты должен был произойти. Надо было изъять из обращения старые деньги, на многих из которых красовался портрет Ильича, и заменить их новыми российскими деньгами. Эту замену начали проводить сначала осторожно, таким путем, что попадавшие в банки старые деньги оттуда уже не выходили, а банки были обязаны платить жалование новыми деньгами. Таким образом старые деньги вышли бы постепенно из обихода, но беда была в том, что старые деньги постоянно снова прибывали из других республик, оставшихся в рублевой зоне.

Однако резкость постановления Центрального банка, объявление об этом мероприятии в субботу, малое время, данное для обмена, и малая сумма, которую можно было обменять наличными деньгами (остальные деньги требовалось положить в сберкассах) были явной политической провокацией по договоренности с тем же Хасбулатовым, который потом лил кроко-

Президенту пришлось прервать отпуск, чтобы смягчить этот акт, чтобы издать вторично указ по приватизации, так как Верховный совет, уходя в отпуск, заморозил предыдущий указ президента, надеясь приостановить этим приватизацию вообще. Коммунисты не унимаются. В отсутствие президента Верховный совет поспешил принять сугубо дефицитный бюджет и замахнулся на свободную прессу.

И все же самое главное – это тот конституционный процесс, который идет по всей стране. Конституция нужна как воздух. Нужны и новые выборы уже в настоящий парламент, а не в совет, все еще тшщящийся снова ввести советскую власть. Мы говорили о необходимости конституции уже много раз и не устанем это повторять.

Если объекты федерации конституцию в общем одобряют, то вплотную встанет вопрос: как ее принимать. Есть мнение, что сначала надо попытаться представить готовый проект новой конституции съезду. Но для съезда принятие новой конституции было бы равнозначно самороспуску. И все же есть оптимисты, которые надеются, что съезд не пойдет против воли народа и примет конституцию. Если же он ее отвергнет, то раздаются голоса о необходимости нового референдума. На референдум не должна быть вынесена сама конституция, это было бы слишком сложно, но поставлены лишь вопросы, какой орган, по мнению народа, должен принять конституцию: конституционное совещание (президент Ельцин указывал на примеры в истории, когда такое совещание или в прошлом России Собор, перерастало свои совещательные функции и становилось единократным законодательным органом) или же специально для этого избранное учредительное собрание, или же сначала должен быть избран новый парламент, который уже и примет всю конституцию. Последнее было бы как бы предвосхищением образования законодательного органа, вынутого сначала из всего тела конституции для того, чтобы потом принятием ее стать снова ее частью. В трудные переходные периоды необходимо применять необычные методы. Это вполне законно. Невозможно вертеться все время на штопанной-перештопанной брежневской конституции. Без новой конституции движение страны вперед к экономически развитому гражданскому обществу и правовому государству скоро станет невозможным.

Кстати, президент Ельцин сделал интересное предложение: сохранить конституционное совещание в качестве постоянного совещательного органа, собирающегося время от времени как бы в виде постоянной беседы с представителями народа. Это интересное предложение.

А так страна развивается почти на всех своих участках, где скорее, где медленнее. Восстанавливаются старые традиции, также и торгово-промышленные, например, тверская ярмарка. Повсюду люди в стране приобретают новые привычки действовать самим, проявлять собственную инициативу. Конечно, ничего не делается в одночасье, все должно иметь свое время. Нигде не идет все гладко. Местные советы, местные коммунисты стараются мешать, ставить палки в колеса, и граждане с развивающимся новым сознанием своей свободы и своих прав им противостоят, опять-таки в иных областях сильнее, в других слабее, но всюду идет незримая для поверхностного наблюдателя подспудная работа высвобождения от гнета страшных 74 лет.

Многие эмигранты, не желающие даже поставить своей ноги на российскую землю, злопыхательствуют против России, сбросившей коммунистическое иго. Отчего они ее так ненавидят, уму непостижимо. Но они стараются замазать коммунистическую Россию одной черной краской. Они даже в отношении большевистской России этого не делали. В чем же здесь дело? Чистейшие теоретики, не имеющие ни малейшего понятия о практической жизни, о прагматических решениях, содержащих в себе и компромиссы и медленное поступательное продвижение вперед, они хотят всего сразу. Но своим очернительством они действуют на руку коммунистам, тоже старающимся все очернить, чтобы попытаться захватить снова власть. Иные наивные эмигрантские монархисты, полностью сохранившие в себе идеологию "вождизма", думают, что один человек может в один миг перевернуть всю страну. Вот если посадить на престол царя, то вся страна по мановению волшебной палочки превратится в сплошной град Китеж. А пока этого нет, их лозунг совпадает с таковым коммунистов: чем хуже, тем лучше. О людях и их жизни они не думают. Они – чистые теоретики, как мы уже на это указывали.

Но как ни досадны их помехи, движения страны вперед они не остановят. Их

коммунистические союзники внутри страны хотят теперь активизировать свою борьбу против раскрепощения страны, фактически против народа. Мы уже указывали выше, что для них действительно настал решающий час: войдет в силу новая конституция, принесут экономические реформы для всех ясно ощутимые плоды, и они окончательно должны будут сворачивать свои знамена, как красные, так и бело-

желто-черные императорских цветов. Оба столь неравных союзника уже не будут иметь никаких шансов. Поэтому теперь, перед принятием конституции, нам предстоит еще сильные атаки со стороны красно-белого союза. Мы не преуменьшаем их опасности, но тем не менее твердо верим, что антикоммунистическая, свободная, гражданская Россия одержит победу над всеми этими темными силами.

Георгий Горев

СМЫЧКА КРАЙНОСТЕЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В современной российской политической жизни много удивительного. Порой происходят у нас события, которые невозможно представить в любой западноевропейской стране. Допустим, соберутся в каком-нибудь уютном немецком городке неонацисты да коммунисты и создадут Фронт национального спасения Германии. Такое добропорядочному бундесбюргеру даже в страшном сне не приснится. В нашей полной загадок и парадоксов стране это возможно. "Что немцу смерть, то русскому во благо", – рассуждают отечественные национал-патриоты. Вот и появился в России Фронт национального спасения, объединивший правую и левую оппозиции – национал-патриотов и коммунистов. Новоиспеченной свержпартии исполнилось уже несколько месяцев. Настало время разобраться, что же соединило и подвело под общий знаменатель правую и левую оппозиции? Виною тому многие обстоятельства: распад СССР, экономические трудности, рост преступности (речь пойдет не о них) и особенно неприятие внедряемых в стране западной демократии ("временный оккупационный режим") и частной собственности с рыночными отношениями ("спекуляция", "прихватизация"). Именно две последних причины сплели крайне правых и крайне левых в один клубок.

Смычка двух, на первый взгляд, противоположных сил свидетельствует об обострении политической борьбы. Такая консолидация тем интересна, что имела свой малоизвестный прообраз в прошлом. Он был ограничен коротким периодом демократического развития страны между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Зачинателями тогдашней смычки крайностей выступили черносотенцы – "революционеры наизнанку". Роль их рупора взяла на себя крайне правая газета

"Гроза" (издатель Н.Н.Жеденов). В ее первом послереволюционном номере была помещена программа черносотенцев, где провозглашалась необходимость отмены частной собственности на средства производства и перехода всей промышленности к рабочим, а всей земли в руки крестьянских общин. "Для закрепления и охраны сего коренного изменения" предполагалось вручить власть всенародно избранному царю-самодержцу¹. Замышляемый монархический режим должна была отличать ненависть к нерусским народам. С ними надлежало вести жестокую борьбу вплоть до обрусения. В этой связи русскому народу вменялось в обязанность "обратить обширную и не вполне христианскую Россию в одну страну, с одной православной верой, с одним языком – русским, с одной душой у всего ее населения – русской"². Словом, умри всяк нерусский и неправославный, а если хочешь жить в России, то обратись в русского и православного. Ради сохранения единства страны и русификации нерусских народов черносотенцы считали нужным заключить мир с Германией и ее союзниками. "Отвлечение воинской мощи на бесплодную борьбу с немцами лишь прибавляет инородцам сил на насильственное расчленение России" – считали крайне правые³.

Таким образом, в политических и национальных вопросах черносотенцы стояли на крайне правом фланге. В то же время в социальных вопросах и по отношению к войне реакционеры из лагеря "Грозы" занимали крайне левые позиции, смыкаясь с большевиками. Здесь мы подходим к одному из любопытнейших моментов в истории межпартийной борьбы того времени. Речь идет об отношении черносотенцев к большевикам.

В промежутке между Февральской революцией и июльскими событиями "Гро-

за" не обращала внимания на будущих господ положения. После июльских событий черносотенцы наконец-то заметили деятельность большевиков и дали ей оценку. "Нужно быть глупцом, чтобы не понимать, что большевики своими требованиями земли и мира ответили сокровенным желанием народа и потому захватили над ним влияние"⁴. Похвалив большевиков, реакционеры, правда, сделали оговорку, указав, что ленинцы являются все же "сторонниками гибели России". По мере приближения Октябрьского переворота в суждениях черносотенцев о большевиках больше не было подобных оговорок. "Да, в этом страшном по Божьему Промыслу громовом потрясении, в этих большевиках, проявился сам русский народ, грозный и неумолимый в своем гневе на виновников несчастья своей Родины. И от того-то завывали жиды, крича об анархии и требуя их водворения к власти над русским народом"⁵. "Русский народ погибать не желает и стихийно, в большевиках, бьется из опутавших его тенет"⁶.

Вот какими комплиментами награждали большевиков крайне правые. Следуя

дальше по заданному курсу, они приветствовали Октябрьский переворот. "Большевики взяли верх, слуга англичан и банкиров еврей Керенский метлой вышвырнут из Зимнего дворца... Новое правительство рабочих, солдат и крестьян своими задачами объявило немедленное заключение мира, признание всей земли собственностью крестьян, уничтожение частных банков государственными и установления надзора рабочих над хозяйским производством"⁷.

Воздавая хвалу большевикам, черносотенцы, очевидно, рассчитывали на взаимность.

Жизнь рассудила иначе. Большевикам было не дано внемлить потугам новоявленных ухажьеров. Полноценной смычки обеих крайностей не получилось. Коммунисты – участники современной консолидации оказались умнее и дальновиднее своих предшественников. Сегодняшние продолжатели дела Ленина не постеснялись заключить союз с национал-патриотами – эпигонами стародавних черносотенцев. Урок истории пошел впрок.

Москва, 04.06.93

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ Гроза. 892 от 26 марта 1917. – Пг., 1917

² Там же. 897 от 30 апреля 1917

³ Там же. 894 от 9 апреля 1917

⁴ Там же. 903 от 9 июля 1917

⁵ Там же. 913 от 15 октября 1917

⁶ Там же. 914 от 22 октября 1917

⁷ Там же. 915 от 29 октября 1917

С. И. Иваненко, кандидат философских наук

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Авторитет Русской Православной Церкви сейчас выше, чем любой из ветвей власти. От Церкви, в том числе и неверующие, ждут чего-то грандиозного, спасительного для России, не вполне ясно отдавая себе отчет, чего именно. Политики ищут расположения религиозных лидеров, демонстрируют реальное или мнимое благочестие. Близость к иерархам Церкви, их расположение стали ценнейшим политическим капиталом. Даже твердокаменные большевики, некогда кичившиеся воинствующим безбожием, захватывают на свои митинги вместе с портретами классиков марксизма-ленинизма, Сталина иконы и хоругви.

Какую же реальную роль играет ныне религия в политической жизни? И что готовит будущее – не маячит ли на горизонте призрак новой диктатуры, замешанной на религиозно-шовинистических постулатах? Не идет ли на смену диктату марксизма засилье православия?

Уверен, что нет. Верю, что нормальный процесс религиозного возрождения станет в нашей стране важной предпосылкой развития и укрепления демократии.

Каков вопрос – таков ответ

Всегда полезно выяснить, что мы реально знаем о религиозной ситуации в

России. Это поможет трезво оценить и политический потенциал религиозных организаций.

Самый элементарный вопрос: много ли верующих в стране? В печати нередко появляются различные данные социологических исследований, но не всем им можно доверять. Простой пример: вы социолог и вы задаете в ходе опроса вопрос: "К какому вероисповеданию Вы себя причисляете?" И предлагаете опрашиваемому несколько вариантов ответа: православный, католик, протестант, мусульманин и т. д., а также – неверующий.

На поставленный подобным образом вопрос около 70% называют себя православными и 20% – неверующими. В определенной мере 70% объявивших себя православными сказали правду – они были крещены в православных храмах и с определенными оговорками могут считаться членами Православной Церкви. Но если сформулировать вопрос иначе и первым делом спросить у человека: "Считаете ли Вы себя верующим?", то только 40% ответят: "Да". Другие 40% скажут: "Нет". И около 20% затруднятся ответить.

И эти цифры точнее отразят реальную картину, покажут уровень религиозности.

Апостол Петр – русский или еврей?

40% верующих – это в два раза больше, чем было до "перестройки" (около 20 процентов). Но гораздо меньше, чем в любой развитой (и не очень развитой) стране, где верующие составляют подавляющее большинство населения. Может быть, меньше, чем в СССР, верующих было только в Албании, провозгласившей себя в середине шестидесятых годов "первым в мире атеистическим государством".

Впрочем, сейчас и в Албании картина иная, визит папы римского (апрель 1993 года) наглядно показал, что и в этой стране запреты и преследования не искоренили религиозность и с отменой ограничений большинство населения вновь не скрывает своей веры.

Но дело не только в том, что в России, в отличие от подавляющего большинства других стран, верующих меньше половины населения. Бросается в глаза поверхностный характер религиозности большинства верующих. Присмотримся внимательнее к тем 40% населения, которое считает себя верующими (примем их за 100%, для простоты изложения). 90% из них – право-

славные, 5–7% – мусульмане, 3–5% – протестанты и католики, последователи других религий.

Насколько глубока их вера? 30%, почти одна треть, свидетельствует, что религия играет в их жизни важную роль. Однако только 10% православных причащались в 1992 г. хотя бы один раз, и лишь 3% регулярно (не реже 10 раз за год) были в церкви.

Предполагается, что верующий признает бессмертие души и что-то знает о той религии, которую исповедует. Но только половина людей, назвавших себя верующими, верят в бессмертие души, и лишь 10% опрошенных из числа православных знают, что апостол Петр – еврей (25% назвали его русским, остальные не дали определенного ответа).

Приметы религиозного возрождения в России

И все же в нашей стране происходит религиозное возрождение. Вот его основные признаки:

1. За ничтожный, по историческим меркам, срок, с 1988 г., когда отметили 1000-летие крещения Руси до 1991 г. доля верующих в общей массе населения увеличилась почти вдвое – с 20 до примерно 40%.

2. Процент верующих среди молодежи, особенно образованной, резко возрос и значительно превысил уровень религиозности людей среднего возраста. В религиозных общинах все более заметную роль играют образованные, сведущие в богословских вопросах верующие среднего или молодого возраста. Они не ограничиваются участием в религиозных обрядах, много времени уделяют милосердию, благотворительности. Растет и их социально-политическая активность.

3. В Русской Православной Церкви, в других религиозных организациях формируется собственная социальная доктрина. Иерархия, духовенство, массы верующих все решительнее и аргументированнее дают нравственную оценку социальным и политическим процессам, протекающим в стране, не склонны слепо доверять мнению политических или религиозных лидеров.

Конечно, и выработка церковью собственной социальной доктрины, и в целом религиозное возрождение в России еще только разворачиваются и еще не успели принести зримых плодов. Промежуточный,

переходный характер эпохи, которую мы переживаем, сказывается и в сфере религиозной жизни. В полной мере эта незавершенность, незрелость проявляется и в деятельности религиозных партий и движений.

Религиозные партии России: первые итоги

В настоящее время в России насчитывается несколько десятков религиозных партий, движений, союзов различной ориентации – от участников движения “Демократическая Россия” до сторонников Фронта национального спасения. Немногие из них представлены в Верховном Совете России и местных органах власти. Наиболее многочисленной группой депутатов располагает Российское христианское демократическое движение (РХДД), у ее сторонников 12 мандатов. Однако на Съезде народных депутатов Российской Федерации 1068 мест и около 1000 депутатов, поэтому депутаты-сторонники РХДД не играют значительной роли из-за своей малочисленности. Еще одна христианская партия имеет один депутатский мандат. Это Российский христианско-демократический союз (РХДС). Другие религиозные партии сравнительно малочисленны и не представлены в высших органах власти Российской Федерации.

Христианские партии, движения, союзы не имеют пока массовой базы. Наиболее многочисленное – РХДД – насчитывает, по утверждениям руководства, до 12 тыс. членов, однако реальная численность этой партии составляет 2 – 2,5 тыс. чел. Другие христианские партии и союзы насчитывают от нескольких десятков до 1 тыс. членов.

Но главной проблемой является не малочисленность самих христианских партий, а отсутствие у них реальной социальной опоры. Как правило, все эти партии сформировались в 1989–1990 гг. на базе религиозно-философских семинаров, кружков, неформальных изданий, оппозиционных и по отношению к государству, и к лояльной государству Церкви. К ним примкнула часть верующей интеллигенции и немногочисленные представители духовенства, критически настроенные по отношению к Московской патриархии. Ни одной из христианских партий еще не удалось стать выразительницей интересов широких масс верующих. Так называемые

“средние слои” (фермеры, мелкие и средние предприниматели и др.), которые могли бы в перспективе стать социальной опорой христианских партий, еще находятся в процессе становления и не могут заявить о своих интересах в полный голос.

Исламские партии и движения уже приобрели массовую опору и в России (Татарстан, Северный Кавказ), и в других республиках бывшего СССР, а в Таджикистане Исламская партия Возрождения участвует в вооруженной борьбе за власть. В перспективе вполне вероятно превращение исламских партий и движений в существенный фактор политической жизни России.

Христианские политические партии, движения, союзы

Христианские политические организации можно разделить на три группы: 1) центристские и христианско-демократические движения и партии; 2) православные монархические союзы; 3) национально-патриотические партии и союзы, имеющие “религиозные приоритеты”. К центристским и христианско-демократическим относится 8 организаций. Наиболее крупная из партий, занимающих центристские позиции, – Российское христианское демократическое движение (РХДД).

Виктор Аксючиц – готовый кандидат в президенты. Готовы ли избиратели?

Возникнув в апреле 1990 г., РХДД участвовала в движении “Демократическая Россия”. Через год, в апреле 1991 г., РХДД вступила в блок “Народное согласие”, включавший Демократическую партию России и Конституционно-демократическую партию – Партию народной свободы. “Народное согласие” в октябре 1991 г. покинуло “Демократическую Россию”, не сумев занять в этом движении доминирующие позиции.

В начале 1992 г. председатель РХДД Виктор Аксючиц выступил с инициативой проведения Конгресса гражданских и патриотических сил России. Его замысел предусматривал создание широкого блока “просвещенных патриотов”, в диапазоне от Демократической партии России до депутатской группы “Россия” (Сергей Бабурин и Николай Павлов). Однако Конгресс привлек в основном национал-патриотические круги, а Демократическая партия Рос-

России не приняла в нем участия.

Созданный на Конгрессе гражданских и патриотических сил блок Российское народное собрание приобрел яркую национал-патриотическую окраску, стал симптомом намечающегося союза РХДД с неокommунистами и национал-патриотами. Однако прочного союза не возникло.

Для национал-патриотов и неокommунистов РХДД подозрительна как организация, еще недавно входившая в "Демократическую Россию". У многих членов РХДД попытка заключить союз с неокommунистами и национал-патриотами вызвала протест. От РХДД отошла ее молодежная организация, Российский союз молодых христианских демократов (РСМХД). Часть бывших членов РХДД, вышедшая из этой партии из-за несогласия с курсом на союз с неокommунистами, создали собственную центристскую организацию – Московский христианско-социальный союз (МХСС).

Сейчас ситуация представляется неоднозначной. В целом РХДД и ее председатель Виктор Аксюциц начинают отходить от союза с национал-патриотами и неокommунистами, переориентируясь на центристский "Гражданский Союз" (лидеры Александр Руцкой, Аркадий Вольский, Николай Травкин).

Однако народный депутат Российской Федерации Илья Константинов, до недавнего времени – ответственный секретарь Политсовета РХДД (подал в отставку с этого поста 2 октября 1992 г.) и некоторые другие руководители РХДД вошли в состав Фронта национального спасения и настроены в пользу союза с неокommунистами и национал-патриотами.

Политсовет РХДД принял 2 октября 1992 г. решение о невхождении партии во Фронт национального спасения, а также о том, что члены РХДД могут участвовать в его деятельности, но не от имени РХДД. Можно предположить, что проблема сохранения или разрыва союза с неокommунистами и национал-патриотами будет для РХДД и впредь одной из острейших.

Виктору Аксюцицу не откажешь в предусмотрительности. Еще в июне 1992 г. Собором (съездом) РХДД он выдвинут кандидатом в президенты России на будущих выборах.

Выборов еще не было, проводившиеся же социологические опросы показали, что за Виктора Аксюцица готовы отдать голоса 0% избирателей.

И это вполне объяснимо. Демократы считают его ренегатом, "переметнувшимся" к национал-патриотам. Патриоты-государственники не доверяют Виктору Аксюцицу – их раздражает его претензия на центристскую позицию, лозунг "просвещенного патриотизма". В результате лидер РХДД не имеет прочной опоры ни в одном из блоков.

В идеологии РХДД есть созвучие требованиям "жесткой оппозиции": лозунги отставки Президента России, правительств, досрочных президентских выборов, создания правительства национального согласия, широкого использования административных мер для достижения экономической стабилизации.

Одна из программных целей РХДД, схожая с установками неокommунистов и национал-патриотов – восстановление единого государства, включающего Российскую Федерацию, Украину, Белоруссию, Казахстан, а также конфедеративные отношения с другими республиками бывшего СССР. В сфере церковно-государственных отношений РХДД, как и многие национал-патриоты, выступает за первенствующее положение Русской Православной Церкви, ее широкую поддержку государством, за союз Российского государства со всеми традиционными религиями (это православие, а также, в некоторых регионах, ислам и буддизм) при ограничении прав религий "нетрадиционных" (католичество, протестантство, восточные культы и т. п.).

Вместе с тем у РХДД иная нежели у неокommунистов и национал-патриотов, социальная база. Опираясь на часть верующей, главным образом православной, интеллигенции и формирующиеся "средние слои", РХДД не может ориентироваться на долговременный и прочный союз с национал-патриотами и неокommунистами, выражающими настроения люмпенизированной части населения. Созвучие некоторых программных установок РХДД и "непримиримой оппозиции" в значительной степени продиктовано глубоким воздействием люмпенизированного сознания на посткоммунистическое общество в России.

Есть надежда, что по мере роста класса собственников, изживания люмпенизации общества РХДД в большей степени будет соответствовать традиционному облику центристской партии христианско-демократической ориентации.

Новый Генеральный секретарь появился в Санкт-Петербурге

Перспективной партией представляется Российский христианско-демократический союз (РХДС), образованный на конференции в Санкт-Петербурге в январе 1992 г. Эта партия объединяет христианских демократов, являющихся последовательными сторонниками "Демократической России". Политсовет РХДС возглавляют 3 сопредседателя, народный депутат Российской Федерации священник Глеб Якунин, депутат Моссовета Валерий Борщов и лидер ХДС Санкт-Петербурга Виталий Савицкий.

РХДС невелика (около 1 тыс. членов), однако 17 марта 1992 г. Политисполком Международного интернационала христианской демократии принял РХДС в состав своей организации. В марте 1993 г. под эгидой Международного интернационала и РХДС учрежден ХДС стран Восточной Европы, в который вошли ХДС России, Украины, Беларуси, Армении, Грузии, а также Народный Фронт Беларуси и Национально-демократическая партия Грузии (Георгий Чентурия). Генеральным секретарем регионального объединения ХДС Восточной Европы в рамках Международного интернационала христианской демократии (по терминологии, принятой в интернационале, "Восточная Европа" – это европейская часть бывшего СССР, за исключением Прибалтики, включаемой в Центральную Европу) стал Виталий Савицкий, один из сопредседателей РХДС. Итоги выборов в Эстонии, где президентом стал поддерживаемый христианскими демократами Леннарт Мери, свидетельствуют, что христианские демократы имеют значительные шансы на успех в республиках Прибалтики. По мере формирования, в ходе экономических преобразований, в России все более широкого круга собственников, обуславливающего становление политического самосознания "средних слоев" российского населения, значительные перспективы откроются и перед христианско-демократическим движением.

Для христианина приемлемы любые политические убеждения, кроме людоедских

Дополнительный стимул для возрастания роли христианских политических партий в жизни России возник бы и в резуль-

тате оформления собственной социальной доктрины у Русской Православной Церкви – наиболее влиятельной и авторитетной религиозной организации страны. Поместный собор 1917–1918 гг. ознаменовался отказом Церкви от поддержки монархии. Каждый член Церкви получил право участвовать в политической жизни, выступая от своего собственного имени, а не от лица всей Церкви. Однако вскоре в коммунистической России Церкви вновь была навязана общеобязательная политическая ориентация – от нее требовали безоговорочной поддержки политики Советского государства.

Подобное положение затормозило выработку социальной доктрины Церкви, которая ныне все решительнее высказывает нравственную оценку острых политических, социально-экономических и других общественно значимых проблем. Можно предположить, что в ближайшие годы на основе евангельских идеалов любви и сострадания к ближнему Церковью будет выработана популярная социальная доктрина, отвечающая чаяниям широких слоев верующих, а также и всех остальных граждан России. Это стимулировало бы и возрастание притягательности для избирателей программ различных христианских партий, стремящихся следовать в своих программах евангельским идеалам.

"Для христианина приемлемы любые политические убеждения, кроме людоедских", – отмечал протоиерей Александр Мень, подчеркивая, что христианин не может поддерживать тоталитаризм и насилие.

Значительным резервом роста влияния христианско-демократического движения на сознание российского общества остается и более широкое вовлечение в него верующих-протестантов. Уместно напомнить, что первая в России христианско-демократическая партия "Воскресение" была основана в марте 1917 г. лидером евангельских христиан Иваном Прохановым. Но в советское время протестанты старались быть как можно более аполитичнее, избегая пышной патристически-верноподданнической риторики. Подавляющее большинство верующих-протестантов избегают вмешиваться в политику и сейчас.

Нынешняя попытка Виктора Ротта, главного редактора баптистского журнала "Христианин", создать христианско-демократический союз с широким участием протестантов пока успехом не увенчалась.

Однако в ближайшие годы можно ожидать значительного роста политической активности протестантов, особенно молодежи, их более широкой вовлеченности в христианско-демократическое движение.

**“Когда была свободной Русь,
то три копейки стоил гусь”**

Таков один из наиболее остроумных и правдивых лозунгов монархистов. Действительно, цены в царской России были гораздо ниже нынешних. И нельзя не ощутить симпатии к Николаю II, если у тебя в руке – золотой червонец с его изображением.

Монархические настроения и монархические организации, хотя и не массовые, стали реальностью нашего общества.

В России сейчас три православно-монархических союза: Общероссийский монархический центр, Союз “Христианское возрождение” и Христианско-патриотический союз.

Общероссийский монархический центр учрежден в августе 1992 г. в г. Таганроге на съезде 34-х монархических организаций, в основном объединяющих “Кирилловцев”: монархистов, признающих право на престол потомков Великого князя Кирилла. После смерти в 1992 г. его сына Владимира Кирилловича Романова правопреемниками стали его дочь Мария Владимировна и внук Георгий. Ведущую роль в Общероссийском монархическом союзе играет Московский монархический центр, объединяющий сторонников действующего в эмиграции Российского имперского союза – ордена во главе с Колтыпиным-Валловским.

Учрежденный в 1989 г. Союз “Христианское Возрождение” считает себя преемником “Союза русского народа”, истинно черносотенной организацией. Не признавая прав на престол потомков Великого князя Кирилла, СХВ негативно относится к принципу конституционной монархии, считая его уступкой сатанинским силам. Веря, что только самодержавие спасет Россию, СХВ из тактических соображений вошел в состав Фронта национального спасения, в котором наряду с национал-патриотами участвуют и неокommунисты.

Выделившийся из Союза “Христианское Возрождение” в 1990 г. Христианско-патриотический союз (ХПС) стоит на позициях “непредрешенчества”, полагая, что Земской Собор определит будущее государственное устройство России. Большин-

ство членов ХПС – монархисты “антикирилловской” ориентации, однако среди них есть и республиканцы.

Православно-монархические союзы не являются массовыми и не имеют поддержки высшего Церковного руководства. В последнее время монархистам удается усилить влияние на некоторые православные братства (около 30), критикующие Московскую патриархию с антисемитских и антиэкуменических позиций.

К сожалению, в их руках и руководство Союзом православных братств, возглавляемое иеромонахом Кириллом (Сахаровым). Православные братства призваны заниматься милосердием, духовным просвещением, быть вне политики. Однако съезды Союза православных братств посвящены главным образом обсуждению политических проблем, борьбе с “жидомасонским заговором”. Вероятно, настоящие масоны (а на Западе их миллионы) сильно удивляются, когда узнают о наших отечественных борцах с “жидомасонскими происками” – иудеи, т. е. поклонники бога Яхве, не могут быть членами масонских организаций, а масоны – иудеями, да и, откровенно говоря, никаких дружеских чувств масоны и иудеи никогда друг к другу не питали.

Назад – к язычеству?

Национально-патриотические партии и союзы, имеющие “религиозные приоритеты”, не являясь религиозными организациями, активно используют религиозные лозунги, призывы, символы, их программные установки, декларируют русские национальные и православные ценности (при этом православие трактуется как “национальная”, “русская” вера).

Наиболее многочисленные организации этого типа – различные фракции “Памяти”, а также “Русский национальный собор”. Являясь светской организацией (его сопредседатели – генерал-майор КГБ А. Н. Стерлигов, писатель В. Г. Распутин и бывший секретарь ЦК РКП Г. А. Зюганов), Русский национальный собор отстаивает необходимость восстановления союза государства, Церкви и культуры, требует объявления Православной Церкви первенствующей, ограничения прав “нетрадиционных” для России религий.

Насколько популярны подобные идеи? В ходе исследования, проведенного в ряде регионов России в 1991 г., опрашива-

емые выражали свое отношение к двум альтернативным суждениям: 1) "В России есть национальные, традиционные религии (православие, мусульманство). Они должны иметь больше прав, чем представители новых для нашей страны религий (католичество, баптизм и т. д." и 2) "Все религии должны иметь абсолютно равные права". С первым утверждением согласились лишь 9% опрошенных (среди православных – 13%), со вторым – 72% (среди православных – 69%). (См.: Вопросы философии, 1992, №7, с. 23).

Своеобразные религиозные приоритеты имеет одна из фракций "Памяти" – Всемирный Антисионистский и Антимасонский фронт "Память" (лидер – Валерий Емельянов). Эта карликовая организация отождествляет христианство с сионизмом, считает Великого Киевского князя Владимира, объявившего в 988 г. христианство государственной религией, сыном еврейки и внуком раввина. На этом основании группа Валерия Емельянова требует восстановления главенства "языческой" религии.

Есть ли политические перспективы у Русского национального собора, "Памяти", других аналогичных организаций? Можно предполагать, что в случае нормального демократического развития России эти организации обречены на роль мелких радикальных группировок, не играющих существенной роли в политической жизни.

Исламские партии СНГ

Сложились три исламские партии различной ориентации: Исламская партия Возрождения, Исламская демократическая партия (Башкирия и Татарстан), Исламско-демократическая партия (Дагестан).

Наиболее массовой и влиятельной является Исламская партия Возрождения (ИПВ). Она учреждена на съезде в Астрахани (июнь 1990 г.), и была призвана сплотить мусульман всех регионов СССР. Штаб-квартира ИПВ в Москве должна была стать координирующим центром этой всесоюзной Исламской партии.

Жизнь внесла существенные коррективы в план создателей ИПВ. Распад СССР привел к нарастанию центробежных тенденций и в самой ИПВ.

В 1991 г. стала самостоятельной ИПВ Таджикистана. Возглавляет ее амир (это арабское слово означает "повелитель")

Муххамадшариф Химматзода – его отец был крупным суфийским авторитетом южнотаджикской области Гарм. Выходцы из знатных суфийских (ишанских) родов занимают видные посты и в структурах ИПВ Таджикистана. Представлены и лидеры "незнатного" происхождения. Так, заместитель амира ИПВ Таджикистана Давлат Усмон родился в 1957 г. в южной Таджикской области Кабодиан в "неаристократической" семье (об этом свидетельствует слабое знание арабского языка и традиционных мусульманских дисциплин). Давлат Усмон имеет два высших светских образования – он окончил Душанбинский политехнический институт и юридический факультет Таджикского государственного университета (заочно), считается знатоком русского языка и современной советской культуры.

Первые молодежные фундаменталистские группы, из которых впоследствии сложилась ИПВ Таджикистана, стали появляться в республике во второй половине 70-х годов. С 1983 г. начал нелегально выходить журнал таджикских исламских фундаменталистов – "Хидойат" ("Водительство"), разрозненные прежде группы фундаменталистов стали координировать свою деятельность.

В первые годы в движении фундаменталистов преобладали выходцы из незнатных, бедных слоев населения. После того, как к ИПВ Таджикистана примкнули лидеры из знатных суфийских (ишанских) родов как Юга, так и Севера Таджикистана, партия превратилась во влиятельную силу, способную в перспективе смягчить остроту противостояния северных (ленинбадских) и южных (кулябских) кланов.

Выделение ИПВ Таджикистана в самостоятельную партию не повлекло разрыва отношений с Исламской партией Возрождения, имеющей штаб-квартиру в Москве и многонациональной по своему составу. Возглавляет ИПВ совет Улемов, амир (председатель) партии – Ахмадкади Ахтаев, дагестанец, депутат Верховного Совета республики, врач по профессии. А. Ахтаев – аварец, принадлежащий к роду легендарного Шамиля. По утверждению ее лидеров, ИПВ насчитывает в Дагестане 1800 членов, в Чечне – 490, в Карачаевской республике – около 100 членов партии и до 3 тыс. активных сторонников.

ИПВ придерживается фундаменталистской ориентации, призывая вернуться к "чистому" исламу пророка Мухаммада и

Корана, не признает авторитета шейхов, имамов, критически относится к официальному мусульманскому духовенству. На Северном Кавказе, где большинство мусульман признает авторитет своих шейхов и имамов, численность ИПВ сравнительно невелика.

В европейской части России, в том числе и в Москве, а также в Сибири большинство членов ИПВ составляют татары. Среди лидеров партии немало интеллигенции. Так, пресс-атташе ИПВ Валиахмед Сидур родился в 1940 г. в Свердловске (Екатеринбурге) в малообеспеченной татарской семье. После окончания Института восточных языков, став специалистом по индонезийским языкам, работал в Институтах востоковедения, языкознания, мировой литературы им. А. М. Горького. В. Сидур подвергался преследованиям из-за диссидентских симпатий, сохраняет дружеские отношения с некоторыми российскими демократами.

Значительную роль в Европейско-Сибирской региональной структуре ИПВ играют и выходцы из азербайджанской общины. Так, например, одним из ярких теоретиков ИПВ, заместителем председателя партии является азербайджанец Гейдар Джемаль, 1947 г. рождения. Он учился на арабском отделении Института восточных языков, однако вскоре был отчислен за диссидентские взгляды.

Резко негативно оценивая Запад и особенно США, усматривая в американском империализме и сионизме главную угрозу мусульманскому миру, Гейдар Джемаль входил в Центральный Совет Национально-Патриотического Фронта "Память" во главе с Дмитрием Васильевым, активно публикует свои статьи в газете "День" и других аналогичных изданиях.

Среди членов ИПВ в Москве есть и русские – например, Сергей Дунаев, молодой человек двадцати с небольшим лет, "координатор ИПВ по духовным контактам с немусульманами". Симпатизируя исламу и ИПВ, С. Дунаев пока сам мусульманином не является.

В Европейско-Сибирскую региональную структуру ИПВ входит небольшое число представителей официального мусульманского духовенства (например, имам-мухтасиб мусульман Саратовской, Волгоградской областей Мукаддас Бибарсов).

Однако в целом ИПВ не пользуется поддержкой официального мусульманского духовенства, имеющего значительное

влияние на татарское население европейской части России и Сибири. Это ограничивает возможности роста числа членов ИПВ. В Татарстане их не более 300, в Москве и области – до 200 человек.

Определенным влиянием пользуется региональная структура ИПВ в Кыргызстане, особенно в г. Ош. Состав партии многонационален: киргизы, узбеки, таджики, дагестанцы, дунгане и др.

Сильная региональная организация ИПВ сложилась в Узбекистане, где она действовала нелегально (в республике не разрешается создание конфессиональных политических партий). Наибольшим влиянием ИПВ пользуется в Наманганской области. В марте 1992 года прошли аресты руководителей и членов ИПВ, однако партия продолжает действовать в подполье.

Следует учитывать, что в Узбекистане большинство коренного населения разделяют главное программное требование ИПВ – создание исламской республики на основе законов шариата. Так, по данным опроса узбеков, живущих в Ташкентской области (1991 г., репрезентативной выборкой охвачено около 1 тыс. чел.) 88% высказались за "установление законов шариата на территории всей республики", а высказались против этой идеи лишь 6,5% опрошенных (см. Социологические исследования, 1992, №5, с. 15).

Каковы цели ИПВ? "Демократия – демократам, ислам – мусульманам", так звучит заголовок одной из статей в газете ИПВ "Аль-Вахдат". Цель ИПВ в тех регионах, где мусульмане составляют меньшинство – защита их прав при любом режиме, будь то власть демократов или национал-патриотов (лидеры партии стараются поддерживать нормальные отношения со всеми политическими силами). Для Татарстана и аналогичных территорий, где мусульман и немусульман примерно поровну, лидеры ИПВ считают оптимальным пример Малайзии (здесь 46% мусульман и 44% китайцев). Там же, где мусульмане составляют абсолютное большинство, по мнению ИПВ, истинные мусульмане (а не бывшие коммунисты или духовенство), должны быть у власти. При этом будут обеспечиваться и права немусульман.

Какой видят идеологи ИПВ будущие исламские республики? Категорически отвергается "турецкая модель", критикуется и "иранский вариант" (за засилье духовенства и чужеродности для мусульман бывшего СССР, большинство из которых –

сунниты, опыта шиитского Ирана). Больше симпатий вызывает пример Саудовской Аравии, но и здесь не все лидерам ИПВ представляется идеальным.

Какие перспективы открываются перед ИПВ? Возникнув из разрозненных кружков фундаменталистски настроенной исламской молодежи, не находившей себе места ни в официальных советских, ни в официальных мусульманских структурах, ИПВ превратилась в заметный фактор политической жизни стран СНГ, сумела найти союзников среди влиятельных кланов традиционной мусульманской элиты. Можно предположить, что по мере укрепления региональных структур ИПВ они будут оформляться в самостоятельные исламские партии фундаменталистской ориентации, а штаб-квартира ИПВ в Москве сохранит координирующие функции.

Менее влиятельны, чем ИПВ, исламская демократическая партия (Татария и Башкирия) и Исламско-демократическая партия (Дагестан). Исламская демократическая партия основана 31 мая 1991 г. на Учредительной конференции в Казани. На этой конференции присутствовало 15 человек, целью партии было провозглашено "освобождение от колониального ига коммунистической России, создание суверенного государства Татарстан". Инициатором создания партии и ее председателем стал лишенный сана мулла Актюбинской мечети Татарстана Фаниль Ахмадиев (хаджимам Фаниль Хазрат Ахмади).

4–10 июня 1991 г. в Уфе состоялось Учредительное собрание Всеисламской демократической партии, в котором участвовало около 30 человек. Председателем Оргкомитета партии был избран Фаниль Ахмадиев. В сентябре 1991 г. он объявил о создании на территории Татарстана "исламского демократического государства Булгартатар". В настоящее время Фаниль Ахмадиев и его сторонники добиваются смещения главы Духовного управления Мусульман европейской части России и Сибири и создания независимых

духовных управлений мусульман в Уфе и Казани. Не имея широкой массовой поддержки ни среди населения, ни в религиозных кругах, лидер Всеисламской демократической партии делает ставку на крайний национализм.

Иной характер имеет Исламско-демократическая партия в Дагестане. Она основана 15 сентября 1990 г. на конференции в г. Махачкала, имеет 4 тыс. членов, поддержку влиятельных мюридских братств. Партии симпатизирует муфтий – глава Духовного управления мусульман Дагестана. Председатель Координационного Совета ИДП – Абдурашид Саидов, 37-летний врач, аварец, член комитета социальной защиты Международного общества по правам человека. ИДП противодействует межрегиональной и межнациональной розни, выступает за демократический Дагестан в составе России. Активисты партии способствуют смягчению чечено-дагестанских противоречий, кумыкско-аварского конфликта в самом Дагестане.

* *
*

Исламские партии в странах СНГ столь же многообразны, сколь многолик и сам мусульманский мир. В одной и той же партии зачастую сосуществуют люди полярных политических взглядов – так, в Исламской партии Возрождения есть и лидеры, симпатизирующие демократам, и идеологи, сочувствующие "национал-патриотам". Исламские партии, называющие себя одинаково – "исламско-демократическими", – могут на самом деле не иметь ничего общего и ставить перед собой диаметрально противоположные цели. Очевидно одно – у исламских партий есть будущее, значительные политические перспективы. И они заслуживают самого пристального внимания, должны стать полноправными участниками диалога различных политических сил России и других стран СНГ.

Москва

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В "ГЗ" №69

На с. 11 заглавие статьи В.Пирожковой следует читать:

"РОССИЯ ВО ВРЕМЯ РЕФЕРЕНДУМА".

На с. 12, колонка 2, строка 30 сверху, следует читать:

Президенту высказало доверие 58% голосов, т.е. на один процент больше, чем за него голосовало два года тому назад.

Поскольку автор Лёзов, с которым полемизирует наш сотрудник В. Илюшенко, большинству наших читателей неизвестен, мы несколько сомневались, помещать ли данную статью. Но в ней содержится не только полемика, а и описание духовного мира о. Александра Меня и его общины. А тема эта в России сейчас не менее, если не более актуальна, чем до или непосредственно после жестокого убийства о. Александра. Поэтому мы пришли к выводу, что эта статья даст много особенно читателю в России, куда теперь идет большая часть тиража журнала.

РЕДАКЦИЯ

Владимир Илюшенко

КОМПЛЕКС САЛЬЕРИ

На статью С. Лёзова об отце Александре Мене* можно было бы и не отвечать, если бы она не была опубликована в популярной и массовой газете. Тираж газеты значителен, а стало быть, наукообразность и специфическая "раскованность" статьи, при заведомом интересе публики к предмету разговора, способны породить сумятицу в умах людей простодушных и несведущих. Поэтому ответить придется.

Отношение к о. Александру стало своеобразным духовным индикатором. Его книги и статьи читают миллионы людей. Он привлекает к себе сердца всех, в ком живет искра добра. Он не дает покоя своим врагам даже после своей физической смерти. Парадоксально, но чем больше времени проходит со дня его мученической гибели, тем ожесточеннее становятся их нападки. Мы уже давно знакомы с черносотенной бранью в его адрес со стороны "патриотов", с аналогичными выпадами и обвинениями в ереси и неправославии со стороны троицких и иных "благочестивых" (т. е. шовинистической части клира), а вот теперь знакомимся с инвективами, исходящими как бы из противоположного лагеря – со стороны "либералов".

"Взгляд изнутри"

С. Лёзов работает в модном нынче жанре "ниспровержения кумиров". Из его статьи мы узнаем, что о. Александр – вовсе не тот человек, за которого его выдают (или, по словам автора, он сам себя выдавал). Он не добрый пастырь, не реформатор, не свидетель веры, не ведущий христианский мыслитель современности, не друг своих духовных детей, не честный человек, не самостоятельный исследователь Библии, не человек, способный к научному мышлению, и еще много всяких

"не".

Это напоминает апофатическое богословие: не то, не то, не то и не это. А что же "то"?.. А вот это страшная тайна, покров с которой г. Лёзов бесстрашно срывает.

Боже мой, как мы обманывались! Мы то считали отца Александра образцом христианина, а его жизнь – духовным подвигом, но вот пришел Лёзов и всё объяснил: нет подвига, нет образца, а по сути, нет и христианина. Так, нечто христианообразное. Да и что доброе может прийти из РПЦ?

Кем же был отец Александр? Аналитическое перо Лёзова рисует живописный портрет: это был создатель "альтернативной реальности", игрового, игрушечного, "иллюзорного контрмира", обрекавший своих духовных детей на вторичную, несамостоятельную роль, скрывавший от них "правду о нашей общей социальной ситуации", пытавшийся (безуспешно) создать "либеральную субкультуру внутри Церкви" (эту задачу он "эксплицитно формулировал"), священник, целью которого была самореализация, "церковно-политический деятель", потерпевший крах из-за своей человеческой и научной несостоятельности, а паче из-за страха перед начальством, чьи незаконные запреты он свято соблюдал. (Уф, дайте перевести дух – это ведь далеко не все...)

Но продолжим. Отец Александр не пытался оказывать даже пассивного сопротивления "свирепому и подлому начальству" (церковному и светскому). Создавая "иллюзию духовного самостояния и даже противостояния... власти", он хотел лишь одного – "укрытия, пазухи, в которую можно было бы "выпадать" из большого мира, из главной реальности". Мало того, выпав из реальности, он ухитрился стать "модным проповедником", "кумиром маргинальной интеллигенции" и даже "миссионером для интеллигенции с пятым пунктом"; к тому же он еврей, "сворачивавший" "ин-

*С. Лёзов. Победа и поражение. Мертвая форма тяготеет над мышлением ("Независимая газета", 25.02.1993).

теллигентных еврейских мальчиков и девочек" в христианство и стоявший на позициях расизма, "классического... христианского антииудаизма".

Вот такой благоуханный букет составил г. Лёзов. Доказательства? Извольте; "Среди моих знакомых есть люди, пришедшие к о. Александру в начале 60-х годов... о. Александр был у меня дома... Я немного знаком с домашней библиотекой о. Александра..." Автор полагает, что этот "взгляд изнутри" сообщает его тексту некую аутентичность и, более того, дает ему право произнести суд над жизнью и смертью отца Александра.

Вот образчик "взгляда изнутри": "Осенью 1983 года о. Александр был у меня дома. За столом разговор зашел о моих профессиональных делах, и я вспомнил, как один знакомый священник когда-то предрекал мне, выпускнику филологического факультета МГУ: "В свободной России вы будете переводить духовную литературу!" (тонкий комплимент себе. – В. И.). Гости – мои друзья, пришедшие в свое время вместе со мной в Новую Деревню, – с энтузиазмом стали обсуждать эту тему. Кто-то спросил мнение о. Александра. Его ответ сразу повернул разговор в другое измерение: "А мы – мы уже живем в свободной России!"

Далее следует взрыв "благородного негодования" (камуфлирующего уязвленный эгоцентризм). Читателю поясняют, что это говорилось в разгар политических репрессий, когда подвергались обыскам и арестам люди из паствы о. Александра, когда чины из ГБ требовали от него самого отказа от публикации своих книг за границей, а потом и капитуляции – принародного раскаяния, признания своей вины. И в таких условиях говорить о жизни в свободной России? Не насмешка ли это, не уход ли в "альтернативную реальность", созданную о. Александром для околпачивания своих духовных детей, дабы содержать этих инфантильных особей в стерильном, искусственном мирке и заставить их заниматься там бессмысленной "игрой в бисер"?

Между тем отец Александр говорил чистую правду, хотя и облек ее в шутиливую форму. Однако наш Савонарола юмора не понимает и, как все фарисеи, пытается поймать своего противника на слове. Правды он не знает и знать не хочет, зато знает, что, начав наступление, необходимо его развить и закрепить. Из досье вытаскивается новый компромат: вместо того,

чтобы вступить в открытую политическую борьбу с режимом, отец Александр "лавировал", "крутился" "выкручивался", являлся ("куда скажут") на вызовы ГБ, "не имеющие процессуального основания". Трусливый конформизм "обвиняемого" вполне очевиден.

Лёзов полагает, что отправил своего антагониста в глубокий нокаут, но для верности решает "припечатать" его гирей своего свинцового приговора: "...в высшем смысле прихожанам предлагалась жизнь в свободной России, предлагалась неуловимая как Джо, духовная свобода, предлагалась обаятельная личность батюшки, предлагались те формы общения, которые еще не были запрещены начальством... Иллюзия – вот его стихия, вот настоящий плод его таланта и энергии... результаты жизни о. Александра как церковно-политического деятеля я расцениваю как нулевые".

Здесь все ложь, от начала до конца. Но таков "творческий метод" автора: вся его статья построена на подтасовках и переделках. За что ни возьмись – все поклеп. Нет смысла опровергать каждый тезис (да и противно), но на отдельных положениях придется остановиться.

Отец Александр и его приход

В изображении Лёзова о. Александр предстает неким духовным Сусаниным или Крысоловом, который ведет детей в никуда – в "иллюзорный контрмир". А ведь известно: "...кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской" (Мф 18,6). Именно это и пытается вменить Лёзов о. Александру, именно это он внушает своим читателям (имплицитно и эксплицитно). Но как бы слова Христа о соблазнении "малых сих" не обрушились на самого сочинителя.

Формы духовной жизни, практиковавшиеся в новодеревенском приходе (речь идет о 70-х – середине 80-х годов), были не разрешены, а именно запрещены начальством – светским и церковным (незаконно). Первым в России о. Александр создал общения, т. е. малые группы, регулярно (обычно раз в неделю) собиравшиеся для изучения Библии, духовной литературы, совместной молитвы, основанные на началах братства и взаимопомощи.

Члены этих общений писали доклады и

рефераты на самые разнообразные темы, имеющие отношение к христианству, в том числе, например, "Церковь и государство". Из докладов составлялись сборники по актуальным проблемам Церкви в современном мире.

Разумеется, в общениях, уже вне библейских рамок, горячо обсуждались и политические события, волновавшие всех граждан России. Были в приходе катехизаторские группы, готовившие людей к крещению. Ставились замечательные детские спектакли на библейские и иные религиозные темы ("Рождественская мистерия", "Царь Иудейский", "Франциск Ассизский"). Сам о. Александр вел семинары по изучению Библии, патристики. Существовала и созданная им приходская библиотека религиозной литературы. Ее читатели, между прочим, были прекрасно знакомы и с "Архипелагом", и с книгами Авторханова, Джиласа и о. Дм. Дудко, не говоря уже о "тамиздатских" Цветаевой и Гумилеве (эту "инициацию" они прошли задолго до Лёзова).

Понятно, что по условиям того времени прихожане отца Александра работали без огласки, не афишируя свою деятельность. Однако ее размах в конце концов привел к утечке информации и вызвал соответствующую реакцию властей. "Компетентные органы" среагировали как положено: была организована кампания травли о. Александра, шантажа и запугивания его духовных детей. Один из ярких эпизодов этой кампании – упоминаемая Лёзовым статья в "Труде". Статья встретила резкий отпор со стороны прихожан. Все они сохранили верность своему пастырю, никто от него не открестился. Так обстояло дело с "игровым контрмиром", в котором якобы пребывал новодеревенский приход.

К осени 1983 г. в приходе существовала уже многолетняя традиция перевода духовной литературы (назову лишь, для примера, книги Тейяра де Шардена, Клайва Льюиса, Гилберта Честертона, Доминика Бартелеми, Джона Пауэлла, переведенные Н. Трауберг, З. Маслениковой, А. Борисовым и другими).

То, чем Лёзов надеялся заняться в отдаленном будущем, в Новой Деревне давно уже было реальностью. В этом и только в этом смысле надо понимать слова отца Александра о жизни "в свободной России". Речь, по сути, шла о духовной свободе, в атмосфере которой воспитывались прихожане о. Александра, и политической

несвободе, в условиях которой они жили вместе со всем народом. Лёзов же дождался прихода именно политической свободы, когда все будет разрешено и он сможет безнаказанно приступить к своим духовным переводам.

Таким образом, о. Александр создал новые формы церковной жизни, весьма эффективные и ныне воспринятые даже его противниками. Новодеревенский приход жил необычайно активно и насыщенно. Он не был сектой, самодостаточной и замкнутой, и не отделялся от мира, хотя и представлял собой обособленное сообщество.

Быть может, кому-то это покажется парадоксом, но насквозь парадоксально и все христианство. Об этом выразительно говорил сам о. Александр: "Да, тот, кто хочет глубинно, духовно развиваться, должен выстраивать ограду вокруг своей души. Иначе шум мира все заглушит. Но в то же время тот, кто не хочет превратить это в маленькую резервацию, в душный лампадный мирок, в котором дух не может жить, тот человек не должен делать эту ограду абсолютной. Это как вдох и выдох. Это как общение с многими и общение с одним. Это как уединение и общение. Это как день и ночь. Это как то, что соединяется вместе".

О. Александр, который якобы обольщал людей своей харизматической мощью, чтобы загнать их в новые катакомбы, был категорически против "выпадания" своих прихожан, да и вообще христиан, из "большого мира". Напротив, он был убежден в том, что христианин должен быть социально активен, что он должен рассматривать общественную жизнь как "одну из сфер приложения евангельских принципов", что "борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни". И это убеждение не было лишь теоретическим принципом – оно было основой практического действия.

Следовательно, отец Александр смотрел на христианина как на человека, открытого всем проблемам мира и потому духовно и социально активного. Однако не надо понимать эту активность вульгарно – как политическое функционирование. Между тем Лёзова интересует не глубинная суть служения о. Александра, а лишь "политическое измерение" того христианства или той "либеральной субкультуры внутри Церкви", которые он будто бы предлагал.

Церковь – не политический, а богочело-

веческий организм, мистически и реально объединяющий людей во Христе. Для Лёзова же это прежде всего и главным образом социальный институт, основанный на системе властных отношений, предписаний и запретов и призванный к "публичному политическому действию". Он явно путает храм с парламентом (или с "Красными бригадами").

Церковь, естественно, может, а иногда и должна, занимать вполне определенную позицию по принципиальным политическим вопросам, а верующие вольны участвовать в политической деятельности, но задача священников – не политическое, а духовное просвещение. Церковь должна быть с народом, однако она не должна иметь особой политической программы. А вот осмысливать текущие события в свете веры – это ее дело (как и дело каждого христианина). Политика не та стихия, в которой ей следует пребывать – у нее другое назначение. Если же настаивать на лёзовских формулировках, можно прийти к выводу, что отделение Церкви от государства есть грубая ошибка и эти гиганты должны либо вести борьбу за политическую власть, либо вернуть православию статус государственной религии.

Лёзов пытается навязать о. Александру амплуа политического диссидента (которым тот не был и быть не хотел), а поскольку он этому амплуа не соответствует, сурово осуждает его. Но пастырь не должен быть политическим диссидентом, у него иные, более серьезные задачи. Претензии к Александру Меню как к политику совершенно неправомерны. Вопреки утверждениям Лёзова, он никогда не был и "церковно-политическим" деятелем". Он неоднократно подчеркивал: "Я не политик". Искус прельщения или порабощения политикой его миновал.

Лёзов делает религию инструментом для достижения внерелигиозных, политических целей. Такая позиция была глубоко чужда отцу Александру. Он говорил: "...свобода должна вырастать из духовной глубины человека. Никакие внешние перемены не дадут ничего нового, если люди не переживут свободу и уважение к чужим мнениям в собственном опыте". Сегодня мы с особой силой убеждаемся в справедливости этих слов.

Попытки представить о. Александра на смерть перепуганным конформистом просто смехотворны. Христос, вопреки давлению на него, отказывался быть полити-

ческим вождем и даже политическим борцом. Отец Александр шел по пути Христа: он боролся со злом, утверждая добро. Эта борьба была не поверхностно-политической, а бытийственной, глубоко духовной. Вспомним его слова: "Мир давно уже озверел, люди ожесточились, единственное, что может их спасти, – это возвращение к евангельским принципам, к любви".

Именно этой цели было подчинено его общественное служение. По Лёзову, было бы лучше, если бы пастырь милостью Божией шел по пути политического авантюризма. Но о. Александр выбрал другой путь. Его оружием было слово. Его книги, проповеди, публичные выступления оказывали огромное воздействие на людей и в короткое время сделали его духовным лидером России. Это, кстати, отлично понимали (и понимают) его враги. Те, кто направлял руку убийц, знали, с кем имеют дело. И напрасны потуги Лёзова обесценить не только жизненный подвиг, но и саму смерть отца Александра, цинично занеся его в список "тех, кто попал под колеса истории". Не каждый удостоивается мученического венца, и не каждый способен понять духовный смысл христианской жертвы.

Был ли о. Александр церковным реформатором? Сам он таковым себя не считал, хотя его вклад в обновление христианства переоценить невозможно. Он полагал, что "в самой идее реформ нет ничего неправославного" – реформы были и будут, вопрос в том, как и ради чего они проводятся. Необходимость определенного пересмотра церковной практики, канонов и богословия была для него несомненной, но он отрицательно относился к разрушению коренных церковных принципов и традиций. Верный путь, по его мнению, как всегда, лежит посередине. Он осуждал попытки "модернистов" создать "секулярное христианство", как и реформы обновленцев (напр., митрополита Александра Введенского), дискредитировавшие саму идею церковного обновления. Его больше интересовало не столько изменение внешних форм, сколько углубление и развитие богословия.

Тем не менее в Русской Православной Церкви о. Александр был возмутителем спокойствия, и не потому, что его взгляды в чем-либо противоречили Православию, а, наоборот, потому, что они были максимально приближены к духу Христовой истины. Для значительной части церковного

клира Христос – весь в прошлом: пришел, принес искупительную жертву и ушел, а в конце времен явится опять, будет второе Пришествие. Для о. Александра Христос никуда не уходил – Он присутствует в истории, присутствует здесь и теперь, с Ним можно взаимодействовать, Он и сейчас стучится в двери каждого сердца. У о. Александра, как у Христа, все построено на свободе – они страшатся свободы как огня. У него христианство живое, оно изменяется с каждой новой эпохой, с каждым новым поколением – у них оно застыло в древнем ритуале, окаменело. У него – сила веры и сила духа, у них – показное благочестие и мертвая буква. Для них христианство – только храмовая религия с пассивными прихожанами, а Церковь – вариант закрытого общества. Для него религия, вера охватывают всю жизнь человека, прихожане активны, Церковь открыта миру. Главное же: здесь сталкиваются любовь и – нелюбовь, нетерпимость, ненависть.

Это две полярные позиции, экзистенциально и духовно несовместимые. Из них вырастают две модели христианства. Первая основана на открытости, вере в универсальные христианские ценности, на уважении к личности, не на букве, а на духе христианского провозвестия. Она ориентирована на диалог с любой конфессией, любой религией, любым человеком, но не допускает религиозной эклектики. Она включает в себя свободу, взаимопонимание и терпимость.

Вторая, закрытая модель христианства, характерная для консервативной, шовинистской части клира, представляет собой версию религиозного фундаментализма, или “русскую религию”. Она основана на идее самодостаточности и абсолютного превосходства Православия. Для нее типичны национальная гордыня, изоляционизм, ксенофобия (в особенности сионистфобия), антиизмунизм, порожденные комплексом неполноценности, неверием в свои силы, в свою правоту. В своем крайнем выражении эта тенденция ведет (и уже привела) к “соединению русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной” (слова о. Александра из его последнего интервью, данного за два дня до его гибели).

Люди духа и люди буквы – антиподы. Их столкновение неизбежно. Выбор, по сути, приходится делать между христианством и язычеством, облаченным в псев-

дохристианские одежды. Убийство о. Александра – прямой результат сшибки этих двух сил, один из драматичнейших эпизодов вселенской битвы Добра и Зла. Попытки представить это злодеяние как факт уголовной хроники, а не как духовное событие, причем событие гигантского масштаба, характерны для современной социальной мифологии.

Свою лепту в ее развитие вносит С. Лёзов. Наиболее удобный прием – “снижение образа”. Мистифицированный, подменный образ, нарисованный Лёзовым, не имеет ничего общего с реальным отцом Александром и представляет собой проекцию внутреннего мира автора, кривое зеркало, в котором предмет искажается до неузнаваемости. “Каким судом судите, таким будете судимы” (Мф 7,2). Это бумеранг, и никому не удастся от него отклониться.

Лёзов называет “нелестной” оценку деятельности о. Александра в нашумевшей статье Н. Домбковского “Крест на совести”. Но тот пасквиль – просто грязная чекистская фальшивка, и это было абсолютно ясно уже в момент ее публикации. Что же до статьи самого Лёзова, – она ведь тоже – “нелестная”. Такие параллели наводят на размышления.

Отец Александр дал людям новое, современное и в то же время первозданное прочтение христианства, – не как свода законов, запретов, не как новой этики, а как новой жизни, как веры, действующей любовью.

Он не “претендовал” на какую-либо роль, и менее всего – на роль кумира. Целью его творчества была не самореализация, как лукаво предполагает Лёзов, а служению – Богу и людям, спасение людей, т. е. соединение их со своим первообразом.

Имеющий уши слышать, да слышит. Если человек вместо музыки сфер слышит какофонию, значит у него не те уши (“я по ушам узнал его как раз”). Разумеется, “уши” – всего лишь метафора. Речь идет о поврежденном нравственной коррозией сердце, об атрофии нравственного чувства, к которой приводит гордыня (первый и главный из смертных грехов в христианской традиции). Именно гордыня ведет к оцепенению сердца, к тому, что на языке православной аскетики называется “окамененным нечувствием”.

“О. Александр наивно полагал...”, он “не догадывался, что на сей раз время ра-

ботает на него", "я думаю, научная проблематика как таковая была А.Меню столь же непонятна, сколь и неинтересна" – это все Лёзов. Менторски-назидательный, высокомерно-снисходительный тон статьи производит комичное и одновременно отталкивающее впечатление. Надо обладать незаурядной наглостью, чтобы позволять себе поучать о. Александра (посмертно), как ему надлежало жить и работать. Но стоит ли говорить о мере и вкусе безнадежного Нарцисса?

Духовные дети

На протяжении всей статьи С.Лёзов с маниакальной настойчивостью повторяет выдумку о "профессиональных духовных детях" покойного пастыря. Эти люди пишут не то и не так, как хотелось бы автору, разрушая стройность его концептуальной схемы. Отсюда – его праведный гнев. "Профессиональные духовные дети", – это, очевидно, те из окружения о. Александра, кто профессионально занимается малопристойным делом за соответствующее вознаграждение, т. е. находится на содержании (у кого?). Но ведь такие существуют лишь в больном воображении Лёзова. Их не было и нет. "Профессиональные духовные дети", в переводе с лёзовского новояза, – это духовные дети о. Александра, сознающие масштаб его личности, хранящие ему верность и свидетельствующие о нем. Не больше. Но и не меньше. Я принадлежу к числу этих детей и не считаю для себя возможным молчать, когда обливают помоями моего духовного отца.

Существует мнение, что о. Александр не нуждается в защите. Да, в высшем смысле он защищен, и весьма надежно. Это, однако, не снимает ответственности с тех, кто его близко знал, с тех, ради кого он совершал свое служение. Он уже не может ответить клеветникам. Но мы – можем. И должны.

Как мы видели, утверждения Лёзова о "выпадании" прихожан о. Александра из "главной реальности" – прямая фальсификация. Столь же клеветнический характер носит утверждение об их "вторичной и несамостоятельной роли", о том, что ими, по сути, бессовестно манипулировали. Как человек, знавший о. Александра в течение многих лет, могу свидетельствовать: он относился к своим духовным детям нежно и мудро, с величайшей бережностью.

Эти отношения были искренними и до-

верительными. Он никогда не рассматривал личность прихожанина как средство или как элемент "массы". Такой подход был для него категорически неприемлем. Он жил ради нас, и мы это знали.

Он уважал каждого, кто бы тот ни был – ученый или простец. И, кстати говоря, он не был лишь пастырем интеллигенции: большинство его прихожан составляли обычные люди – жители г. Пушкино и окрестных деревень, сохранившие о нем благодарную память. Он ничем не выказывал своего превосходства. Напротив, себя он умалил, а нас возвышал. Он вызывал на поверхность лучшее, что дремало в глубине наших душ. Он заряжал нас энергией, духовным озоном. Никто не ощущал своей "вторичности": для этого надо было иметь особое устройство личности. Не было никакой "вторичности" или "несамостоятельности". Все обстояло как раз наоборот: отец поощрял любую инициативу, старался раскрыть в человеке его потенциальные возможности. Нам приходилось "дотягиваться" до себя.

Осторожно вел он нас по ступеням веры. Язык, на котором он говорил, был языком любви. Он брал на себя наши боли, взваливал на себя тяжесть наших грехов. На любовь мы могли ответить только любовью.

Отец Александр был человеком абсолютно бесстрашным, но уж никак не человеком, готовым поставить на карту жизнь и свободу своих духовных детей. Да, он оберегал их от необдуманных и рискованных действий, создававших иллюзию свободы, не считал возможным подталкивать на путь диссидентства, которое слишком часто прикрывало нежелание заняться духовной работой – глубокой, но внешне не слишком эффектной. Но это вовсе не значит, что он относился к диссидентству в принципе отрицательно. Его духовными детьми были Александр Солженицын, Надежда Мандельштам, Александр Галич – это уже не секрет.

Демократ по своим убеждениям, отец Александр не мог не сочувствовать правозащитному движению, однако он не мыслил себе демократии без опоры на духовно-нравственный идеал. Именно поэтому он чрезвычайно высоко оценивал деятельность академика Сахарова, называл его праведником, знаменем надежды. Он и сам был таким праведником, спасающим Россию и всю нашу Землю от сил распада и уничтожения.

Возникает вопрос: а имеет ли человек право на иное, скажем, не апологетическое мнение об отце Александре? Безусловно имеет. Но непременным условием при этом должна быть корректность и добросовестность. Плюрализм мнений не означает вседозволенности и не дает права на диффамацию.

Отступники

В новодеревенском приходе всегда было немало людей ущербных и невротизированных, страдавших мнительностью и разнообразными фобиями. Отец Александр жалел их, никогда не поучал, разумлял их шуткой и добрым словом. Тактично и ненавязчиво он помогал им исцелиться от заикленности на самих себе, вселял веру в свои силы. И происходило чудо: человек оживал к новой жизни, он преображался даже внешне.

Однако находились и такие (обычно люди с неутоленным честолюбием), кого мудрая педагогика о. Александра только ожесточала. Подобные прихожане притязали на интеллектуальное и духовное равенство со своим наставником. Не имея на то ни оснований, ни способностей, они по существу хотели играть ту же роль, что и он. "Ученик не бывает выше своего учителя", – говорит Христос (Лк, 6,45), но они думали иначе. Поскольку подтвердить своих притязаний они не могли, то быстро озлоблялись. Это приводило к тяжелой закомплексованности. Им начинало казаться, что о. Александр как-то ущемляет их потенциал, богатую творческую натуру. Постепенно они приходили к мысли о своем интеллектуальном и нравственном превосходстве над ним. За этим следовал разрыв, переход в другую профессию или авантюрные политические акции, ставящие под удар не только о. Александра, но и многих других. Для некоторых из этих людей была неприемлема открытая модель христианства: им нужен был кнут, жестко регламентированное поведение в рамках "Типикона". Кое-кто из них (например, один служка, ставший священником), стал обличать своего бывшего учителя в неправолавии и чуть ли не в ереси.

Отец Александр иронически называл все это "эдиповым бунтом против духовного отца". Как правило, эти люди плохо кончали (духовно и душевно): уязвленная гордыня пожирала их. Отец, который читал сердца как открытую книгу, предвидел

это. Он тяжело переживал за них, жалел, но не посягал на их свободу: если они хотели уйти, он их не удерживал. Лишь в особых, редких случаях он сам предлагал человеку найти себе другого духовника. И тем не менее он считал себя морально ответственным за этих людей. Их было немного, но они были и все они больно ранили отца.

Одним из таких людей был Лёзов. Он ненадолго задержался в новодеревенском приходе. Когда он понял, что его честолюбивым замыслам сбыться не суждено, он ушел, унося с собой мстительную надежду на реванш. ("И в путь потек, и поутру вернулся с ядом").

Лёзов порвал с Православием и, как это бывает с прозелитами, проникся жгучей ненавистью к своему прежнему духовному лону. Поэтому его пафос – резко антиправославный (и это во времена и без того острых межрелигиозных и межконфессиональных раздоров). "Узкие рамки этоса РПЦ", "служилая Церковь", "некая православная библиистика" – статья пестрит такого рода выражениями.

Судя по всему, сегодня Лёзов идентифицирует себя с протестантизмом. Это его право. Но дело ведь не в формальной принадлежности к той или иной конфессии, а в том духе, который и делает христианина христианином. Лёзовская статья дышит ненавистью, а стало быть, дух ее – глубоко антихристианский.

Личное дело Лёзова симпатизировать иудаизму или протестантизму и не любить православие. Это, однако, не освобождает его от обязанности придерживаться хотя бы минимальной человеческой и научной добросовестности, тем более, что тональность его статьи не вызывает сомнений в том, что автор вещает непосредственно с научного Олимпа. Следовательно, без серьезных доказательств не обойтись. Но претензия Лёзова на объективный научный анализ ничем не подкреплена. В статье нет научных аргументов, а есть лишь их имитация и голословное постулирование "убийственных" для отца Александра, но совершенно фантастических утверждений и выводов. То, что внешне выглядит как научная аргументация, при ближайшем рассмотрении оказывается многоэтажной подтасовкой. К тому же, выдвигая свои обвинения, автор занимается не только "чтением мыслей" о. Александра, но и их интерпретацией. Это забавно, но и отвратительно.

Ненависть застит глаза. Говоря о “публичном провале” о. Александра, Лёзов явно выдает желаемое за действительное, а чтобы убедить читателя в правдоподобности своих измышлений, поступает в соответствии с рецептом: назови белое черным, но, чтобы тебе поверили, делай это постоянно, систематически, не переводя дыхания (или по пословице: клевети, клевети, авось, что и останется). Вот тогда люди скажут: “Нет дыма без огня”.

Казалось бы, чувство самосохранения должно было удержать автора от столь бессмысленной лжи, но нет, удержу он не знает: “Перо его местию дышит”. Какое там “не судите, да не судимы будете”! Лёзов претендует на Божественную прерогативу (или прерогативу Конституционного суда): его приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Остается привести его в исполнение.

Лёзов не внял совету Пушкина: “Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением... Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении”. Лёзов сделал как раз обратное: он бросил оболганного им “высокого и могучего” на растерзание толпе. Но он рано празднует победу: толпа растерзает лишь сработанный им муляж, – подлинный же отец Александр для нее недосыгаем.

Похищение еврейских младенцев

Обратимся к одному из центральных сюжетов статьи (“Похищенные дети”), ради которого, быть может, все и было затеяно. Здесь впервые появляется видимость научной и даже теологической аргументации, однако быстро выясняется, что автор выступает не как теолог и вообще не как человек науки, а как религиозный политик (точнее, политикан). Для него политика – “чистое слово”, которое он не хочет отдавать негодяям”. Что ж, за именем других чистых слов пусть пользуется этим.

Суть этой главки состоит в информировании тех, кому положено, о том, что крещеным евреям в приходе о. Александра предлагалось сомнительное “иудео-христианство”, что приход в действительности был еврейским (эта идея провоцируется имплицитно, или, если угодно, суггестивно), что сам о. Александр, “ всю жизнь ис-

пытывавший на себе проявления ксенофобии в РПЦ”, стоял на почве христианского антииудаизма” (т. е. был антисемитом) и “мыслил” в расовых категориях”. Таким образом, Холокост (Катастрофа европейского еврейства) был для него совершенно безразличен, иначе он не стал бы заниматься “христианским свидетельством” перед евреями, т. е. миссионерством”.

В результате евреи вместо того, чтобы пребывать в лоне иудаизма, как им положено по рождению, ввергались в совершенно чуждое им христианство (причем в худшую его разновидность – Православие), теряя тем самым свою традиционную идентичность. Понятно, что вина отца Александра вполне очевидна: реализуя принадлежащую Льву Карсавину программе христианского (“окончательного”?) решения “еврейского вопроса”, он “мастерски создавал иллюзию, что совмещение (еврейства и Православия. – В. И.) возможно и даже дает религиозные преимущества перед христианами “из язычников”. Во всем этом автор обнаруживает “то же иллюзионерство” и “нечестность”, о которых он уже говорил выше.

Я намеренно столь подробно изложил лёзовскую аргументацию, чтобы читатель смог в полной мере оценить всю прелесть (и подлость) авторского замысла. Национально озабоченным “патриотам” сообщается, что они правы, обвиняя отца Александра в создании некой “Еврейской Церкви” внутри Православия, ортодоксальным сионистам – что еврей – христианский миссионер намного опасней, чем юдофобствующий русский священник, безрелигиозным либералам – что в Православной Церкви при всем желании ничего доброго не отыщешь.

Таким образом, статья представляет собой не просто политический памфлет, но политический донос, посланный сразу в несколько адресов: демократический (“либеральный”), “патриотический” (черносотенный) и ортодоксально-иудаистский (раввинистический). Каждому из адресатов автор говорит: я свой, смотрите, как я защищаю интересы евреев (антисемитов, либеральных демократов). Я делаю этот гораздо лучше, чем ваш исконный враг – “еврей-христианин русского мессианизма”. На этом список адресатов не исчерпывается: есть еще различные христианские конфессии, которым тоже послан соответствующий сигнал (здесь важно со-

отношение текста и контекста).

Автор намерен убить не двух, а многих зайцев, получить и научные, и политические дивиденды. Статья возбуждает антисемитизм в христианах и антихристианские чувства в иудаистах. Протестантов убеждают, что никакой православной библиистики в природе не существует, а иерархов Православной Церкви, – что отец Александр хотел взорвать ее своей “либеральной субкультурой”. Демократам прививается отвращение к “модному” христианскому проповеднику, лишь по видимости противостоящему коммунистическому режиму, а по сути – конформисту и “игроку в бисер”. Порядочных людей уверяют, что они напрасно обольстились нечистым и двусмысленным человеком, игравшим в игры, правила которых понятны только ему одному.

Как известно, правонационалистические “благовестники” видят в трудах и творческом наследии о. Александра еврейскую диверсию против Православия. Либеральный “благовестник” г. Лёзов выворачивает карту наизнанку: о. Александр предстает у него православным диверсантом против еврейства. Обе версии легко совместить: похищая еврейских младенцев (а заодно и взрослых), обманом и посулами водворяя их в лоно христианства, он одновременно создавал “пятую колонну” в Православии. Структура мифа остается прежней, только вместо христианских младенцев фигурируют еврейские.

Говоря об “антииудаизме” о. Александра, Лёзов явно подталкивает нас к идее, достаточно популярной в определенных кругах: священника убили сионисты, и у них на то были все основания – что еще делать с человеком, инициировавшим массовое обращение евреев в Православие? Таким образом, иудаистические штудии г. Лёзова не так уж безобидны: из них следуют взрывоопасные политические выводы.

Поглощая невероятный лёзовский коктейль, не сразу осознаешь, что имеешь дело не просто с квазинаучной хлестаковиной, а с многослойной политической провокацией. Статья, состоящая из взаимонаправленных и не сходящихся тезисов, сбивает с толку и эмоционально вздергивает читателя. Опасность такого рода политической демагогии состоит в том, что она невротизирует людей, психологически дезорганизует их. Такой же эффект производят публикации газеты “День” (а ранее – издания доктора Геббельса).

Тема обращения евреев в христианство сверхделикатна. Она требует особо тактичного подхода и не терпит топорной работы (от слова “топор”). Она не может быть адекватно разрешена на страницах газеты. Однако Лёзов охотно берется за это и имеет на то причины. Не считая возможным вступать с ним в научную полемику, скажу лишь, что крещение российских евреев, достаточно массовое в последние десятилетия, знаменовало собой отход их не от иудаизма, но от атеизма, то есть от духовного небытия. Христианство не есть этническая религия. По Лёзову же, религия – атрибут этноса, то есть выводится она непосредственно из генов. Стало быть, еврей просто обязан быть иудаистом, ибо в противном случае он изменяет своей природе. Отсюда следует, что у евреев нет и не может быть христианского будущего.

Это очень похоже на соответствующие мифологемы специалистов по сионизму: сионскому заговору, хотя их пафос Лёзов, на первый взгляд, не разделяет. Но стоит обратить внимание на то, что он, как и они, преднамеренно разжигает негативное отношение к евреям, принявшим христианство. Для части праворадикальной прессы характерно отождествление христианства и иудаизма. В этой ситуации Лёзов подключается к механизму злобы и отмщения в массовом радикальном антисемитском сознании.

Крещение евреев в России не было вызовом еврейству, как не было оно вызовом христианству. Оно увенчивало личный выбор человека, осознавшего, что “во Христе нет ни эллина, ни иудея”. Никакого “иудеохристианства” православным людям из еврейской среды отец Александр не вменял: каждому предлагалась своя, уникальная свобода христианского служения и духовной самореализации. Он неоднократно говорил, что крещение не дает евреям каких-то преимуществ, но налагает на них дополнительную ответственность перед Богом. Наивный читатель может подумать, что отец Александр принимал в лоно Церкви не тех, кто добровольно и свободно хотел туда войти, но занимался покражей еврейских младенцев.

Тот же кровавый навет, только в другом исполнении.

Вполне очевидно, что Лёзов ищет референтную группу, с помощью которой он хочет политически расти, а заодно и получить статус великого библииста. Судя по

всему, он надеется обрести ее в тех кругах на Западе, которые тяготеют к ортодоксальному раввинистическому иудаизму, принципиально не вступающему в диалог по теме крещеных евреев (считая крещение изменой иудаизму). Именно через них он стремится сделать научно-политическую карьеру как специалист в области иудаизма, толкующий библейские тексты, и как пламенный защитник евреев от посягательств христианских миссионеров. Но для того чтобы получить искомое, надо принести очень существенную жертву. В качестве таковой и выбран о. Александр. Вряд ли, однако, лёзовская акция увенчается успехом. Люди на Западе достаточно просвещенные, чтобы понять, что сдача определенной группы российских евреев не может служить серьезным основанием для политического роста претендента.

Лёзов выплеснул на страницы газеты свою внутреннюю тьму, и тьма сия велика есть. В сущности он преследует ту же цель, что и троицкие “благовестники”: уничтожить о. Александра религиозно, идейно и научно-теоретически, дискредитировать его как священника, богослова и человека. Эта затея бессмысленна и неосуществима: уже поздно – вышли книги о. Александра, книги и фильмы о нем, фильмы с его участием. Достаточно прочесть, например, последнюю по времени издания его книгу – “Культура и духовное восхождение”, чтобы обвинения Лёзова рассыпались в прах.

Сначала приписывая о. Александру свойства и намерения, вовсе ему не присущие, а потом торжественно развенчивая их, С. Лёзов устраивает чисто коровьевский сеанс “с полным разоблачением”. Так кто же иллюзионист? Тот, кто на глазах изумленной публики с помощью “научных” пассов пытается внушить нам, что о. Александр не был тем, кем он был, или о. Александр, абсолютно чуждый поэзии и политическим играм, всегда сохранявший духовную и интеллектуальную трезвость? Кто иллюзионист – отец Александр, бесконечно далекий от мыслей о самоутверждении и самореализации, или тот, кто затеял непристойный спектакль, напяливая маску фокусника и самозванца на лик мученика и святого?

Тень ветхозаветного персонажа

Последняя часть статьи подытоживает усилия автора по дискредитации своего

противника и посвящена очернению отца Александра как писателя, христианского мыслителя и человека науки. Начинается она, как водится, по-хлестаковски: “Нет смысла опровергать фантастические утверждения “профессиональных духовных детей” о том, что А. Мень был одним из ведущих мыслителей современности, самостоятельным исследователем Библии и т.п.”.

Тем не менее как раз это Лёзов и пытается опровергнуть (разумеется, “научно”). Аргументация нехитрая: нельзя продолжать традицию православной библеистики при отсутствии самой традиции, а создать собственную научную школу в этой области о. Александру было не под силу, – во-первых, потому, что он толком не усвоил “того, что сделано в мире”, а во-вторых, потому, что “ему было чуждо научное мышление”. В таких обстоятельствах отцу Александру не оставалось ничего другого, как создать “иллюзию мысли, научного творчества... иллюзию православной библеистики (эта набившая оскомину “иллюзия” – ключевое словечко, играющее роль универсальной отмычки к жизни и творчеству убиенного пастыря). Все это понадобилось Лёзову для того, чтобы утвердить в общественном сознании распространённое в некоторых кругах мнение, что отец Александр был всего лишь популяризатором.

Поскольку православная библеистика “не существует”, не существует ни Владимира Соловьева, ни Сергея Булгакова, ни Павла Флоренского, ни Михаила Поснова, ни Антона Глубоковского – никого. Это удобно, так как избавляет от необходимости заглядывать в их труды.

Нет надобности напоминать, сколько священнослужителей-ученых было в истории нашей страны. В каждую эпоху библейская культура требует своего, нового слова. В наши дни это слово было сказано о. Александром. Как богослов он прежде всего библеист, с удивительно свежим взглядом на предмет своего исследования. Его комментарий к Библии, его книга “Как читать Библию”, его статьи, посвященные Ветхому и Новому Завету – образец православной теологии. Но его главный богословский труд – семитомный “Словарь по библиологии”, “подобного которому нет нигде в мире” (прот. Виктор Потапов).

Когда словарь выйдет в свет, каждый читатель сможет прочесть разделы “Пра-

вославная библеистика", "Русская библеистика", "Русская библейско-историческая школа", а кроме того, сотни статей, содержащих глубокий и оригинальный анализ всех книг Библии и творчества всех сколько-нибудь заметных христианских богословов (включая, естественно, Р. Бультмана). Этот уникальный труд окончательно хоронит легенду о популяризаторстве о. Александра и ставит его в ряд крупнейших богословов мира.

"Словарь по библиологии" – не только памятник библейской историографии, но и огромный материал для понимания библейских корней русской церковности, культуры, философии. Он свидетельствует и о колоссальной эрудиции автора, и о его верности православной богословской традиции.

Лёзов издевательски пишет, что отец Александр "стремился втиснуть христианство в узкие рамки дозволенного политической ситуацией и этосом РПЦ".

Насчет "политической ситуации" все уже ясно, что же до "этоса РПЦ", то здесь тоже вышла неувязка. Строгое следование иконописному канону не помешало Рублеву создать свою Троицу. Подобно этому, следование православной догматике по помешало отцу Александру стать абсолютно независимым и в высшей степени оригинальным мыслителем, причем мыслителем вселенского масштаба (как бы неприятно это не было Лёзову). Он не только углубил и обновил философскую мысль, но и создал новый язык для исповедания веры. Философские воззрения отца Александра можно определить как христоцентрический персонализм, уходящий своими корнями в персонализм Нового Завета. "Свобода как один из важнейших законов Духа" была для него неразрывно связана с христианским провозвестием.

Отец Александр глубоко усвоил и переосмыслил вершинные достижения мировой науки и опирался на них. Он прекрасно владел научным инструментарием, однако не ограничивался им. Его книги – та же проповедь, они относятся не только к области знания. Он говорил: "Время кабинетного изучения религии миновало". И еще: "Познание сущности мира лежит за пределами науки... У науки нет ответов на вопросы этики и смысла бытия". Нелепо подходить к богопознанию с критериями научности, а книги о. Александра – прежде всего плод богопознания. Это синтез

откровения и поэзии, знания и веры. Он умел писать о Библии не только языком академических статей, но и поэтично, как художник. Он соотносил Св. Писание с литургическим, медитативным, эстетическим опытом Православия.

Подчеркивая превосходство своего мышления ("научного") над мышлением о. Александра ("ненаучным"), Лёзов забыл евангельские слова: "Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет" (Лк, 18, 14). Это универсальный закон, не знающий исключений. У Лёзова не научный, а политизированный рационалистический подход. Знакомясь с ним на практике, убеждаешься в справедливости слов о. Александра: "Чистая рациональность может стать духовно убийственной". Каждый может увидеть, что вынес Лёзов "из злого сокровища сердца своего" (Лк, 6,45). Можно лишь догадываться, какой владыка будет окутать в лёзовский яд "свои послушливые стрелы", но что владыка найдется – сомнений нет.

И еще одна цитата: "Я немного знаком с домашней библиотекой о. Александра и уверен: все эти работы он держал в руках (об этом свидетельствует и случайный подбор литературы": чем богаты...), некоторые из них он проглядывал, кое-что читал внимательно".

Читатель, конечно, узнал в этом согладате, собирающем компромат на того, кто был его духовным отцом, известного персонажа из Книги Бытия. Фигура, архетип которой олицетворен в библейском Хаме, представлена в этом отрывке с предельной выразительностью. Научное обличье современного хамства – интеллектуальная смердяковщина. Мы еще раз убеждаемся в том, что Библия – книга на все времена, и в ней, если читать ее внимательно, можно найти ответ на любой вопрос наших дней. Экклезиаст прав: "...что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем".

"Читая воспоминания "профессиональных детей", я чувствую боль и стыд. Ведь личность А. В. Меня была гораздо значительнее, чем позволяют судить эти свидетельства". Услышав такое в контексте лёзовской статьи, не знаешь, смеяться или плакать. Рекорд либерального фарисейства вряд ли скоро будет побит.

Среди прочего Лёзов, как бы спохватываясь, задает себе вопрос: "Зачем я стремлюсь навязать ему (отцу Александру. – В. И.) роль, на которую он сам не был со-

гласен?" (фрейдистская обмолвка). Вот именно: зачем? Автор, по-видимому, считает этот вопрос риторическим и оставляет его без ответа. Между тем ответ есть.

Моцарт и Сальери

Статья Лёзова завершается пометкой в скобках: "газетный вариант". Стало быть, впереди вариант журнальный (или книжный?), где грязь уже можно будет черпать ведрами. Учитывая предыдущие публикации, приходишь к выводу, что изничтожение о. Александра – не просто хобби, а *idée fixe* автора. Похоже, мы имеем дело с довольно распространенной болезнью, с тем, что можно назвать – "комплекс Сальери".

Сальери – архетипическая фигура, которая воспроизводится в каждом новом поколении. Это человек – сродни Иуде. Не довольствуясь тем, чтобы оставаться честным и одаренным ремесленником, которому выпало счастье находиться рядом с духовным исполином, он посягает на большее, на высшее. Раздираемый сознанием своей неполноценности, не желающий признаться (ни себе, ни другим) в зависти к гению, он ненавидит его жгучей, всепожирающей ненавистью. Вначале он силится сравняться с ним, поверив не научную гармонию научной алгеброй. Потом, когда тщетность этих попыток становится очевидной, он убивает Моцарта (фигура тоже архетипическая). Если Сальери не может убить Моцарта физически, он пытается сделать это иным способом (отравленным пером), надеясь обречь своего врага на гибель нравственную, а еще лучше – на "смерть вторую".

Зависть – могучая страсть, потаенный двигатель многих преступлений. Человека, позволившего ей овладеть собой, она съедает без остатка. Она не знает нравственных запретов, не знает святынь. Напротив, чем недостижимее ее объект, тем больше ей хочется унижить его, растоптать, вывалить в нечистотах.

Есть такой психологический закон: когда человек говорит о ком-то другом, он еще больше говорит о себе. Здесь мы имеем как раз такой случай. Малюга желчью и грязью портрет о. Александра, С.Лёзов нечаянно нарисовал автопортрет, который прекрасно выразил его духовную сущность.

Вердикт, вынесенный Лёзовым, обращается против него самого. Но если че-

ловек впустил в себя зло, он дал на это свое согласие. Не только земная, но и посмертная участь такого человека вызывает тревогу, ибо наше слово отдается не только во времени, но и в вечности.

Отец Александр погиб. Но это вовсе не значит, что он побежден. Напротив, его победа несомненна и бесповоротна. Никому не дано поколебать и перечеркнуть ее, никому не удастся осквернить его ризы. Нам же остается благодарить судьбу за встречу с отцом Александром, за то, что нам выпало быть его современниками, за счастье знать и любить его.

Вместо послесловия

Эта статья была уже написана, когда "Независимая газета" порадовала нас еще одним сочинением, на сей раз принадлежащим перу диакона Андрея Кураева ("НГ", 18.03.1993). Сочинение озаглавлено "Сомнительное православие отца" (естественно, Александра Меня. – В. И.). Подчеркнутый пиетет по отношению к о. Александру, безусловно отличающий данную статью от хулиганского эпоса Лёзова, все же не может скрыть, что она написана в жанре эпитафии, причем сугубо унижающей того, на чьей могиле она начертана.

Начав "о здравии", автор продолжил "за упокой". Человек Александр Мень, о котором сказаны добрые слова, постепенно (и прочно) затмевается христианским богословом Александром Менем, который добрых слов оказывается не заслуживает. А.Кураеву достойно ответил игумен Иннокентий (Павлов), что избавляет от необходимости подробно анализировать эту статью. Хотелось бы остановиться лишь на нескольких ее положениях.

А.Кураев пишет, что о. Александр не был церковным бунтарем, не боролся с Русской Православной Церковью и был согласен с ее учением. Совершенно верно: не был, не боролся и был согласен, потому что любил Церковь и делал все для ее процветания и благополучия. Полагаю, что он прославил Церковь не только своим служением и своим творчеством, но и своей мученической смертью. Это, однако, не означает, что он мирился с выхолащиванием духа христианской веры в церковной практике. Мощное консервативное течение в Церкви и православие – по сути и смыслу вещи разные. Первое основано на ностальгии по прошлому, обрядоверии и букве Писания, второе – на свободе как

бесценном Божественном даре, непреходящей новизне христианства, на его животворящем духе. Многие клирики боятся не то что реформации, а дуновения свежего ветра. Но это уже не христианство, а нечто иное. Христос создавал Церковь не для того, чтобы она окаменела в мертвом ритуале. Он говорил: "Се, творю все новое" (Откр. 21,5).

А. Кураев горячо опровергает миф о том, что "свободомыслие" (почему-то в кавычках) о. Александра "раздражало православных и это в конце концов стоило ему жизни". Потом оказывается, что речь идет не просто о православных, а о "церковной иерархии", потом – о "православных священниках и богословах". Согласитесь, что это понятия нетождественные. Но кто и когда выставлал православных священников и богословов "варварами, которые не знают других методов дискуссии, кроме топора"? Кто говорил, что они или церковные иерархи физически (топором) убили о. Александра? Нет, речь шла совсем о другом – о том, что одной из сил, инспирировавших убийство, были некоторые (подчеркиваю: некоторые) князья Церкви. Напомню слова отца Александра: "...противники Христа (беззаконный правитель, властолюбивый архиерей, фанатичный приверженец старины) не принадлежат только евангельской эпохе, а возрождаются в любое время под разными обликами (Мф. 16,6)". Противники Христа (клянущиеся Его именем) были и противниками о. Александра.

Но, кажется, основная задача о. диакона – не опровергать, а утверждать. А утверждает он другой миф – о неправославии или, по крайней мере, ущербном православии отца Александра. На каком же основании? А на том, что покойный священнослужитель не мог "артикулировать своеобразие православия", не видел отличий восточного христианства от западного и не умел "ясно о них свидетельствовать", а потому "в строгом смысле" его "нельзя считать православным богословом". Для таких ответственных заявлений нужны факты и весомые аргументы, а, поскольку их нет, А. Кураев, подобно Лёзову, просто постулирует их. Доказать нельзя, но посеять сомнения можно.

Любопытно, что о. диакон, бывший референт Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, фактически выступил здесь против своего патрона. Напомню, что в недавнем интервью Патриарх сказал: "...ни

одно из его (о. Александра. – И. В.) суждений не противоречит сути Священного Писания, где как раз и подчеркивается, что "надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие (1 Кор 11, 19)" (см. "НГ", 10.06.1992). Искуснейший явился, но он не признается А. Кураевым и его единомышленниками в качестве истинного православного, поскольку их, видимо, не устраивает разномыслие. О. диакону, безусловно, хорошо известно понятие "теологумены", т. е. "богословского мнения", вполне допустимого в Церкви, в том числе с точки зрения канонической. Это мнение может быть спорным, но коли оно "не противоречит сути Священного Писания", его никому не вменяют в вину. Почему же в этом отказывают о. Александру?

Если бы сейчас восстал Христос и выступил с проповедью, его взгляды наверняка были бы для наших блюстителей чистоты православия спорными и сомнительными, а точнее, неприемлемыми. Чем ближе человек ко Христу, тем дальше он от современных фарисеев, которые чтут лишь букву Писания (суть для них безразлична). Тех же отцов Церкви в свое время считали еретиками и гнали их, а теперь они канонизированы и каждое их слово освящено богословским авторитетом. Так будет и с о. Александром. Он и сейчас в центре духовной жизни, и сейчас ему не могут простить близости ко Христу, яркости таланта, и сейчас его гонят и ненавидят. Это свидетельство. И о нем и о самих себе.

Вслед за Лёзовым А. Кураев объявляет о. Александра популяризатором, который "новых идей... не выдвигал". Безапелляционно и категорически автор глаголет: "имени о. Александра Меня... не будет в истории русской философии и богословия". Откуда такая уверенность? Может быть, о. диакон намерен сам писать эту историю? В свое время Бердяев назвал теологию о. Павла Флоренского "стилизованным православием" (т. е. тоже "сомнительным"). Я не стал бы сравнивать Н. Бердяева с А. Кураевым, но его оценка не помешала Флоренскому войти в историю русской философии и богословия.

Флоренский был убежден, что вероисповедные различия, при всей их важности, должны быть поводом "не к вражде, а, скорее, к чувству солидарности христианского мира и к благоговению пред путями Промысла".

Превозношение одной конфессии над другой, по его мнению, ведет к сектантскому самозамыканию. Любителям артикулировать "особость" православия хотелось бы напомнить и другие его слова: "Нежелание признать Церковь как Полноту по существу своему есть ересь и сектантство, из какого бы исповедания ни исходили подобные голоса" (журн. "Символ". Париж, №21, июль 1989, с. 77).

Что до отца Александра, то он переживал разделение христиан как общий грех и нарушение воли Христовой и верил, что "в будущем грех этот преодолется, но не на путях превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, а в духе братской любви, без которой призвание христиан не может быть осуществлено" (там же, с. 88).

А. Кураев жалуется на "негласную цензуру общественного мнения", запрещающую вступать в диалог с отцом Александром. Судя по статьям в "Независимой газете", да и другими публикациям, этой цензуры нет. Но повторюсь: такой диалог никому не заказан, единственное его условие – внешняя корректность (в целом присущая данной статье) и научная добросовестность, то есть по крайней мере отсутствие передержек (именно в них и уличил о. диакона игумен Иннокентий). Можно ли считать диалогом тот способ дискуссии со своим оппонентом, который избрал А. Кураев?

Еще один тезис автора: читатель будет обманут, если он, поверив рекламе книг о. Александра, будет искать в них "полное и адекватное изложение христианства". Не знаю, кто утверждает такое: я подобной рекламы не видел. Если всерьез говорить о христианстве, вряд ли под силу одному человеку, даже религиозному гению, "изложить его полностью". Сам о. Александр считал, что "христианство не имеет единой интерпретации, которая была бы ему полностью адекватна" ("Радостная весть", М., 1992, с. 315), хотя следует признать, что его богословие пусть не полностью, но достаточно адекватно выражает христианскую истину. Полностью адекватен христианству один Христос, и не стоит искать другого.

А. Кураев заявляет, что в гимназичес-

ком "Катехизисе" митрополита Филарета (XIX век) ошибок нет, а у о. Александра они есть (он уничижительно называет его книги "катехизисом для интеллигенции"). Что ж, пусть г-н учитель ставит свои оценки (первому – "пятерка", второму – "тройка") – дело от этого не меняется. Суть ведь опять-таки в том, что предпочесть – букву или дух Писания (каждому свое). Занятно, что одновременно автор объявляет "путь проповеди о. Александра" чем-то архаичным: он "уже не подходит для сегодняшнего дня и надо искать другие пути". Ищите. Но если вы заглянете в завтрашний (или послезавтрашний) день, именно этот путь вы и найдете, потому что это путь максимального приближения к Христовой истине.

Проповедь о. Александра устарела якобы потому, что "образ жизни и мысли 90-х не похожи на 60-е (а он именуется "шестидесятником", язык, образ жизни и мысли которого сформировались в те самые годы, да так и окостенели).

Это еще одна передержка (надо ли их считать?). О. диакон, видимо, просто не читал книг о. Александра, написанных в 70-е и 80-е годы, или его лекций и проповедей 1988–1990 гг. (а их было несколько сот). У него есть такая возможность. Если он захочет их прочесть (непредвзято) и останется на почве интеллектуальной честности, ему придется отказаться и от своего эгегического морализаторства и от своего глобального вывода: "Время о. Александра уже позади".

Отец Александр Мень – "человек на все времена". Он, как апостол Павел, умел говорить с каждым на его языке. Его жизнь была жизнью во Христе, а его проповедь, его книги обращены и к нынешнему, и к грядущим поколениям. Вероятно, не случайно внимание к его творческому наследию обострилось именно сейчас, в момент резкой поляризации социальных и духовных сил, во многом определяющий наше будущее.

Отец Александр, который осознавал необходимость новой евангелизации полужыческой России и сделал для этого все, что было в человеческих силах, работал на будущее.

Эту, напечатанную в "Возрождении" №130 в октябре 1962 г., статью нам любезно предоставила дочь давно уже покойного автора Ольга Евгеньевна Ефимовская. Мы считаем важным напечатать эту давно уже забытую и в эмиграции и неизвестную в России статью из-за ее актуального интереса.

С изумленным почтением видим мы, что тогда были монархисты, смотревшие на вещи реалистически и готовые идти на широкую автономию для населявших прежнюю Российскую империю народов. Цитируем статью: "На автора этих строк был возложен доклад "О взаимоотношениях народностей России". Докладчик настаивал на невозможности восстановления прежней централизованной системы правления и на необходимости перехода к системе широкой автономии и даже начал конфедерации в отношении наиболее развитых областей. Прежний принцип "Россия для русских" должен быть заменен понятием "общего отчего дома", где все равны и все родные".

Как низко пали современные монархисты по сравнению с теми! Теперь они смыкаются с национал-коммунистами и их красными полотнищами, только чтобы восстановить жестокую централизацию, все равно под каким знаком. Не могли ли бы они задуматься и попробовать поучиться у предыдущих поколений, исповедовавших их идею? Надежды на это мало, но как быть без надежды?

РЕДАКЦИЯ

Евгений Ефимовский

40-ЛЕТИЕ РЕЙХЕНГАЛЛЬСКОГО ОБЩЕМОНАРХИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

"Познаете истину, и истина сделает вас свободными"

Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 32

Введение

Политический мемуарист, особенно, если он не только свидетель описываемых событий, но и их участник, всегда находится под двойным ударом: он отвечает и за зоркость своего политического зрения, и за точность изложения.

Это заставляет его быть и сдержанным в своей симпатии, и осторожным в критике и в неизбежной самокритике.

* * *

Что такое Рейхенгалль? Географически – прелестный баварский курорт. Политически – объединяющий символ общероссийского легитимного монархического движения. Он – менее всего случайный политический турист, бродяга без роду и племени: он имеет свое знатное и незаброшенное политическое родство.

Я имею в виду образовавшийся весной 1918 года в Киеве "Русский центр". Его краткая биография сводится к следующему: Киев всегда был национальным центром южной России и "матерью городов русских". Он имел свою славную историю, своих стойких и верных заветам предков в их монархическом мировоззрении Киевлян. Он попытался создать и отвечающую этому политическую армию, возглавлен-

ную привычным политическим водителем. Но была в этой попытке не только "верность старине", но и нечто новое: командный центр был создан не в виде политического монолита, а объединенного общемонархического штаба: он охватывал почти весь фронт монархического движения, от послушных Высочайшим манифестам Императора Николая II до оставшихся верными своему монархическому принципу так наз. "правых кадетов", разошедшихся со своей партией по этому вопросу. Вот состав его первого президиума: почетный председатель – генерал-от-кавалерии А.М. Драгомиров, председатель центра – В.В. Шульгин; его товарищи: профессор А.Д. Билимович, Е.Г. Шульгина и Е.А. Ефимовский; члены президиума: А.И. Савенко, профессор Богаевский, В.М. Левитский, сенатор Н.Н. Чебышев и ряд других малороссийских деятелей.

Заботами Шульгиных была создана ежедневная газета под названием "Голос Киева", достигшая в короткий срок тиража, близкого к сотысячному. Политическим редактором был автор этих строк. Лозунгом было: "Император Николай II умер – да здравствует его законный наследник".

Движение разрасталось. Съехавшиеся члены Государственной Думы и Государ-

ственного Совета высказались за восстановление конституционной монархии. Экстренный всеукраинский съезд уже республиканской кадетской партии дал третью часть голосов за монархию. Но не хватало самого существенного: организованной военной силы.

* * *

В редакцию "Голоса Киева" пришли известные нам конспиративные монархические деятели, полковники Карамышев и Самохвалов, и предъявили подлинную телеграмму от командования создавшейся на Дону Добровольческой армии; телеграмма гласила: Гетман Скоропадский устраняется от власти: она переходит к генералу Ламковскому с подчинением ему всех военных организаций.

В тот же день Шульгин созвал экстренное собрание "Русского Центра", для выяснения его отношения к создавшемуся положению. Мнения разделились.

Шульгин, доказывавший неизбежность крушения в мировой войне Германии, категорически настаивал на недопустимости общения с ее представителями и на необходимости заменить власть украинского сепаратизма верным России военачальником.

Губернский предводитель дворянства Безак и директор гимназии Дорошенко оспаривали оба эти положения и настаивали на заботе "о своей хате, а уже потом об остальном". Автор этих строк настаивал на верности до конца нашим союзникам, на провозглашении монархического принципа и на возглавлении движения именно представителем Дома Романовых. Наш почетный председатель, генерал А.М. Драгомиров, морально присоединился к моей точке зрения, но тем не менее практически согласился с выводами Шульгина, сказавши: ни наши союзники, ни наши враги не будут с нами считаться до тех пор, пока у нас не будет своей военной силы. Она образуется на Дону, – мы должны, сохраняя в сердцах нашу верность "Вере, Царю и Отечеству", всеми силами помочь ей, под лозунгом "победить общего врага".

* * *

Так закончилась на территории России первая попытка создания "Российской Вандеи". Она ушла с незапятнанной совестью и честью, но, может быть, с излишней уступчивостью. Я не сторонник "фа-

ктопоклонства". Самоотречение в политике – опасный фактор. Им наполнена трагическая эпопея не-монархического движения. Его, как показали последующие события, не спасли героические подвиги его участников. Оно вошло в историю, как трагический урок: отсутствие идеологической цели не может быть заменено героическими средствами.

Противники "Белой борьбы" имели за собой столетнюю школу революционной пропаганды; они опирались на разнужданные инстинкты масс; они соблазняли возможностью социалистической республики. Им должна была быть противопоставлена тысячелетняя традиция народного царя и программа широких реформ государственного строя и социальных преобразований.

* * *

Случилось иначе. Метод национальной борьбы должен был измениться: мы оказались в эмиграции; сама жизнь требовала теперь героическую смерть за Россию перевести на стойкую борьбу для ее жизни. И тот же вопрос встал во весь рост перед национальной эмиграцией: можно ли и должно ли скрывать свое политическое лицо, и это при условии, что попрытавшие было разрушители предъявляли теперь претензию на господство в эмиграции.

Обломки Учредительного собрания вкупе с социалистическими и радикальными организациями начали в 1921 году подготовку Всеэмигрантского съезда, но без приглашения к участию в нем правого монархического крыла. Это было уже дерзостью.

Я как редактор издаваемой мною в Праге монархической газеты "Славянская Заря", получил от В. Л. Бурцева приглашение участвовать в съезде без правых монархистов; я ответил не только категорическим отказом участвовать в "фальсификации" всеобщего избирательного права, но открытой борьбой с покушением на подлинную волю эмиграции.

* * *

В этот момент началось в эмиграции организованное общемонархическое движение. Это совпало с письмом генерала В.В.Бискупского с приглашением меня на общемонархическое совещание в Берлине, ставшем центром монархической деятельности.

Желая избежать каких-либо возмож-

ных трений с западными, союзными с Россией, державами, я зашел к начальнику французской военной миссии в Праге, генералу Пелле, для совета. Он мне сказал: "Конечно, ехать, а там действовать по обстоятельствам". Чехословацкий министр иностранных дел Бенеш сказал, вызвав меня для беседы: "Мы должны быть лояльными на обе стороны, т. е. и к вам, и к большевикам". А президент республики Масарик, в речи на своем юбилее, высказался такими словами: "Мы больше всего поможем России, если поможем самим себе".

* * *

В Берлине потребовалась кипучая политическая работа и при этом в разных направлениях. Я был первым либеральным российским политическим деятелем, переступившим границы Германии не будучи ни пленным, ни беженцем, – по мнению некоторых немцев – "первой ласточкой русско-германской весны". В мою честь было устроено общеофицерское германское собрание, на коем мне пришлось обменяться речами с представителями германского командования и заявить при этом, что наша задача – *не военно-политический реванш, а союз всех потерпевших от войны, направленный к установлению справедливого мира.*

Вечером в тот же день парадный обед с политическими речами: в моей речи я сказал, что *мира в Европе не будет, если не будет найдена база для мирной жизни германизма со славянством.*

Присутствовавший на обеде германский дипломат кн. Бисмарк вскочил с места и заявил: "С русскими всегда, со свиньями поляками никогда".

Я реплицировал русской поговоркой: "Не плюй в колодец, пригодится воды напиться". Через несколько недель немцы начали зондировать Пилсудского для переговоров.

* * *

Но все это пока не выходило из рамок, хотя и неизбежной "политической декламации". Реальными задачами германской дипломатии и эмигрантской монархической организации было: для Германии – найти выход из созданного войной изолированного положения, для нас – попытаться ценой справедливого мира получить помощь со стороны немцев в борьбе с большевиками и украинскими сепарати-

стами.

Считаю нужным подчеркнуть, что если директивы германским представителям закулисно давались ответственными политическими кругами, но нам не помогали ни военное командование Белого Движения, ни, кроме монархических кругов, политические организации. Таковые еще нужно было создавать.

* * *

Политический "фасад" национальной постройки был избран в виде трех национальных комитетов: Великорусского, Украинского и Белорусского. Первый объединял монархических деятелей, не принадлежавших к враждебным монархическому движению организациям; во главе его был поставлен самый левый в монархических кругах автор этих строк; Украинский комитет был возглавлен бывшим министром в правительстве гетмана Скоропадского – Бутенко; Белорусский – делегатом Белорусской Рады инженером Бохановским.

* * *

В срочном порядке, по желанию немцев, было создано под председательством генерала фон-дер-Гольц и в присутствии видных германских националистов – графа Ревентло, доктора Шейбнер-Рихтера, а также генерала Бискупского совещание по вопросу о совместной подготовке условий возможной помощи со стороны Германии, причем было высказано пожелание о возврате к довоенным российско-германским отношениям.

* * *

Не меньшей задачей руководящих русских монархических кругов была организация общемонархического съезда в Рейхенгалле. У него было две основных задачи: создать прочную спайку монархических течений и тем самым обеспечить монархизму достойное его положение в эмиграции.

Читатель помнит историю монархической организации в Киеве в 1918 году и к чему привело самоотречение в пользу командования Добровольческой армии.

На данный момент положение совершенно изменилось: исчезла своя территория, и мы были на чужбине, исчезла и армия в точном смысле этого термина; остались лишь безоружные кадры. Исчезла всякая надежда не только на помощь западных союзников, но ими был наложен

запрет и на отправку для подкрепления Добровольческой армии двух дивизий братских славянских государств – Югославии и Болгарии.

При этих условиях национальная борьба из военно-походной переходила в идеологическую плоскость. Ею и должно было стать организованное монархическое движение.

Но не тут-то было. На эту самую роль, и притом в монопольном порядке, предъявили свои претензии объединенные круги социалистических партий и обанкротившихся политических радикалов. Неясной была и позиция командования армии: и генерал Врангель, и его штаб, и все наполнявшее ее ряды российское офицерство были несомненно убежденными монархистами; но они считали себя связанными не только воспоминаниями о героической борьбе на родной земле, но и присвоенной этой борьбе позицией политического неопределенности.

В политической борьбе побеждает не тот, кто *выжидает*, а тот, кто *создает*, при условии наличия у него надлежащих сил и средств.

Монархической “пробой сил” и стал “Общегосударственный Российский съезд” в Рейхенгалле.

На секретном совещании лидеров был принят принцип “единства в разнообразии”, а также предпосылка, сформулированная в свое время французским социологом Тардом, что “худшая из монархий лучше лучшей из республик”.

Рейхенгалльский съезд

Съезд открылся при благоприятных “политических auspiciis”. Ему было подано благословение высших иерархов, вошедших в его состав, митрополитов Антония и Евлогия. Отсутствовала и опасность одностороннего социального состава: как редактор выходившей в Праге “Славянской Зари” я получил поручение от союза русских крестьянских организаций в Соединенных Штатах – а они объединяли десятки тысяч старых эмигрантов-крестьян – голосовать “за восстановление законной монархии в России в лице Самодержца Всероссийского, опирающегося на представительство всего народа”. Оглашение этого мандата вызвало шумное одобрение всего многочисленного состава съезда.

Избранными на местах делегатами были представлены как все страны эмигрант-

ского рассеяния, так и все отрасли государственного и общественного творчества. Руководство съездом принадлежало представителям всех без исключения течений монархической мысли.

Содержание докладов, представленных съезду, получило его единогласное одобрение. Оно сводилось к следующему:

I) Защита права на независимую ни от каких внешних сил российскую политику, тем более, что по утверждению докладчика, профессора права и пожизненного члена Гаагского международного суда, барона М.А.Таубе, в мире началось прозрение на опасность большевизации России не только для нее самой, но и для всего человечества.

Должно отметить две декларации по поводу этого доклада: Н.Е.Маркова Второго и А.Ф.Трепова: первая отмечала конец вызванного войной “германофобства”; вторая категорически настаивала на невозможности для монархического движения какого-либо “фильства”, за исключением единственно “русифильства”.

II) Член Государственной Думы, бывший левый кадет А. М. Масленников, взял на себя защиту общегосударственной идеологии, базирующейся на Православную веру, на законного Царя и на верноподданных граждан. Форма монархии, prerogatives царской власти и строение народного представительства должны быть определены в соответствии с завещанием Императора Николая II его преемнику в прощальном манифесте.

III) На автора этих строк был возложен доклад “о взаимоотношениях народностей России”. Докладчик настаивал на невозможности восстановления прежней централизованной системы правления и на необходимости перехода к системе широкой автономии и даже начал “конфедерации” в отношении наиболее развитых областей. Прежний принцип “Россия для русских” должен быть заменен понятием “общего отчего дома”, где все равны и все родные.

* * *

Самыми трудными вопросами были: о престолонаследии и об организации власти в эмиграции. Тут мало помогало и признание легитимизма как идеологической базы монархического движения, и это потому, что самое добросовестное толкование закона не давало ключа к разрешению вопроса.

Мы не знали с точностью, кто остался в живых из членов Династии; но мы знали, что в самой Династии нет согласия по вопросу о превалировании в правах на прародительский престол той или иной из ее ветвей.

Мало помогли и мнения просвещенных знатоков государственного права и наличного состава историков. Основное расхождение выразилось в двух сенаторских докладах: сенатора Тимрота в Берлине и сенатора Корево в Париже. В споре был поднят вопрос об утрате прав на престол линией Вел. Князя Владимира Александровича ввиду его письменного отречения за себя и за потомство. Этот акт по воле царствующего Императора не был опубликован Правительствующим Сенатом и поэтому не приобрел силы закона.

Возникли вопросы о значении инославных браков для лиц, принадлежащих к Императорской Фамилии, даже в случае принятия православного вероисповедания уже после брака.

* * *

Но затруднение было не только в изложенной выше контроверзе. Совершенно бесспорна статья закона о престолонаследии, гласящая, что Император Всероссийский при своем вступлении на престол извещает не только о самом этом вступлении вследствие смерти своего предшественника, но и о том, кто является его наследником.

Покойный государь, Император Николай II, мученически погиб одновременно со своим законным наследником, Цесаревичем Алексеем Николаевичем. Мученически погиб и указанный в последнем манифесте Великий Князь Михаил Александрович.

Можно ли было при отсутствии указания скончавшегося Императора ограничиваться только своим собственным толкованием Закона, или надо было требовать указания суверенного органа государственной власти? И не была ли эта суверенная власть в лице народного представительства уже указана Императором Николаем II в его прощальном манифесте об отречении от престола?

* * *

Нужно отметить, что в 1921 году, т. е. во время заседаний Рейхенгалльского съезда, Династия Романовых не подавала признаков жизни, а наш съезд, сам по се-

бе, не был компетентным для разрешения возникших правовых вопросов. Естественно, что, устанавливая принципы для их разрешения, он должен был иметь в виду неизбежность восполнения этого пробела; а это требовало широты полномочия для исполнительного органа общемонархического движения.

На совещании руководящих групп членов съезда было выработано, а затем предложено общему собранию съезда и им *единогласно одобрено* следующее построение общемонархического движения:

1. Высшим органом общемонархического движения является общемонархический съезд делегатов, созываемый ежегодно.

2. Исполнительным органом с правами съезда в промежутке между его сессиями является "Высший Монархический Совет", избираемый на годичных сессиях общемонархического движения.

3. Высшему Монархическому Совету предоставлено право кооптации в свой состав как постоянных членов, так и на отдельные заседания для обсуждения возникающих вопросов. Съезд признал за высшими иерархами, митрополитами Антонием и Евлогием, права почетных членов Высшего Монархического Совета.

4. По соглашению всех представленных на Рейхенгалльском съезде монархических течений были единогласно избраны в Высший Монархический Совет три члена: Н.Е.Марков Второй, А.М.Масленников и А.А.Ширинский-Шихматов и кооптирован профессор барон М.А.Таубе, а несколько позднее барон Б.Г.Кеппен. Для полноты следует отметить, что благодаря широкому использованию права кооптации почти постоянными участниками совещаний Высшего Монархического Совета стали сенатор Н.Н.Чебышев, М.И.Горемыкин, А.А.Римский-Корсаков, С.С.Ольденбург, Н.Д.Тальберг и Е.А.Ефимовский.

Особого упоминания заслуживает организационное участие в работах съезда и в поддержании связи с немецкими кругами генерала В.В.Бискупского, а также его помощника бар. Б.Г.Кеппена, давшего возможность создать печатный орган – еженедельную газету "Грядущая Россия" под моей политической редакцией.

* * *

Так создалось, окрепло и выросло Общемонархическое движение, сорок лет тому назад поведшее активную идеологи-

скую борьбу “за Веру, Царя и Отечество” в трудных условиях зарубежной обстановки. Говорят, что в юбилеи считаются только с итогами. Я склонен думать, что важнее в эти дни мысленно перекликнуться с теми, кто положил начало общемонархическому движению, не боясь сопротивления явных и тайных врагов с их злословием, переходившим в явную клевету.

Г. Алексенко

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ИМЯ ЦЕРКВИ (мнение Хомякова и исследования Гезена)

Письмо А.С.Хомякова в редакцию французского журнала ХРИСТИАНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ было озаглавлено “Ответ русского русскому”.

Прошло много лет со времени опубликования первого издания Полн. Собр. Соч. Хомякова в 1867 году. Однако затронутая в этом письме тема до сих пор остается актуальной (см. том II, с.307).

Выступление Хомякова было вызвано тем, что о. И.Гагарин – русский католический священник – усомнился в правильности употребления в Символе Веры термина **с о б о р н а я** (Церковь) вместо первоначального **к а ф о л и ч е с к а я** и считал такое нововведение искажением.

В своем ответе Хомяков упрекает о. Гагарина в “явной недобросовестности” и в “полнейшем невежестве, давшем ему смелость ринуться очертя голову, в беду которой он даже и не подозревает, и, так сказать, наткнуться на острие смертоносное для всей его партии” (с.30).

По мнению Хомякова, термин **с о б о р н а я** пришел от просветителей славянства – свв. Кирилла и Мефодия, признаваемых как на Востоке так и на Западе. “Правда, – пишет он, – мы не имеем списков им современных, но не подлежит сомнению, что самый перевод дошел до нас от них” (с.311).

Почему это не подлежит сомнению – Хомяков не объясняет. Тем не менее, основываясь на таком голословном утверждении, он беспощадно критикует оппонента и приходит к следующему выводу: “Вот, м. г., каким образом невежество о. Гагарина, так сказать, натолкнуло его острие кириллова и мефодиева свидетельства. Конечно, он и не подозревал ни опасности, которой сам себя подвергал, ни орудия, которое сам же давал против своей партии” (с.311). Хомяков, сознавая огром-

Ее образчик налицо: в своей написанной уже в эмиграции истории России П. Н. Милюков, имея в своем распоряжении всю документацию об общемонархическом съезде в Рейхенгалле, позволил себе недостойную выходку, определив его как “кучку реакционных германофилов”. Читатели усмотрели из моей статьи “облыжность” такого утверждения.

ное значение отнюдь не “устаревшего” имени Церкви, не отказывается от кафоличества, которое он воспринимает как “согласие людей в истине” (с.110). Он, например, следующим образом указывает на обращение св. Афанасия к еретикам: “В какой бы ни было стране, вы везде не более как ариане, евиониты или савелиане; мы же везде кафолики, везде признаны за таковых. Все Ваши названия от человеческой случайности, а наше от самой сущности христианства” (с.311).

Русский палеограф А. Гезен в своем замечательном, но, к сожалению, мало известном исследовании, сообщает следующие данные, имеющие отношение к теме Хомякова и Гагарина (см. ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА СИМВОЛОВ ВЕРЫ, А. Гезен, типография Императорской Академии Наук, С.-Петербург, 1884):

В рукописи УСТЮЖСКОЙ КОРМЧЕЙ тринадцатого века в Символе Веры употреблялся еще термин **к а ф о л и ч е с к а я** и пели тогда у нас на Руси: “Верую во едину, святую кафоликию и апостольскую Церковь” (с.42 и мн. др.). На с.2 и 30 определенно указывается на очевидность перевода этого текста (с термином “кафоликия”, а никак не “соборная”, вопреки Хомякову) в девятом веке свв. Кириллом и Мефодием. В Новом Завете, в надписях к посланиям апостолов Иоакова, Петра, Иоанна и Иуды, прилагательное **к а ф о л и ч е с к и е** сохранилось в некоторых экземплярах даже до шестнадцатого века (с.90), хотя уже в четырнадцатом веке мы встречаем названия “Книги общия Петровы”, “Книги сборныя Ивановы” (с.91). Впоследствии название “Соборное Послание”, как известно, укоренилось полностью.

Гезен также уделяет внимание поучениям свв. отцов, приводя интересные цитаты. Например: 1) Изложение Веры митр.

Илариона (середина одиннадцатого столетия): "Къ кафоликии и апостолѣвѣи церкви притекаю, съ вѣрою вхожду, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожду".

2) Оглашение св. Кирилла Иерусалимского (перевод десятого или одиннадцатого века): "аще и когда придеши въ грады. не прѣпросто питай кде гдѣско ієсть. не бонь прочая кривовѣрныхъ ереси. гдѣския своя пещеры нарицати начнууть. ни кде іє просто црквы. но кде ієсть кафоликии црквы. се бо ше имя своіє стѣи мтри всѣхъ насъ". (с.3, 92 и 96).

В позднейших списках св. Кирилла термин "кафолическая" заменен термином "соборная", которому, с течением времени, без объяснения причин, отдавалось все большее предпочтение (см. с.100, 102 и др.).

В стихире "Молебную память", положенной на великой вечерне в дни памяти 1-го и 7-го вселенских соборов, в цветной триоди и в октябрьской минее читаем: "и отъ кафолическія цркве соборнѣ того (еретика Ария. – *наше прим.*) изгнаша" (с. 101). Однако в минее на июль месяц, в том же тексте, сказано: "и отъ соборныя цркве соборнѣ того изгнаша" (изд. Киево-Печерской Лавры, 1876 г.).

Иногда делались попытки перевести слово кафолическая славянскими терминами въсѣчькъ и въселичьскъ. В русском переводе Символа Веры, одобренном Св. Синодом в 1823 году, стоит повсеместная (с.67-8). В Книге Правил 1839 г., в тексте Никейского Символа было восстановлено по-славянски и по-русски первоначальное имя Церкви кафолическая (с.26-8), но в Скрижали патр. Никона 1656 года сказано соборная (с.66).

О терминах православие и православный находим интересные данные у И. И. Срезневского, на которого часто ссылается Гезен. Так, в изданном Срезневским СЛОВАРЕ ДРЕВНЕ-РУССКОГО ЯЗЫКА (СПБ, 1895 г.), на с.1349 сказано, что греческое "ортодоксос" переводилось ранее славянским термином "правовѣрный". Неделя православия называлась Недѣліа правовѣрнаіа. В тексте 72-го правила Шестого Вселенского Собора читаем: "Не достойно ієсть правовѣрноумоу моужю съ еретичскою съчетатися женою, ни еретикоу моужю съ женою правовѣрною съмѣшатися".

В современных изданиях этого текста слово правовѣрный заменено сло-

вом православный.

Как антипод термина правоверный находим слово неверный* в постановлениях Стоглавого Собора 1551 года, определившего, например: "Над брадобритцем ни отпевания, ни сорокоуста не творить... с неверными да причтется" (см. Учебн. руководство по истории Русской Церкви, проф. Знаменский, СПб 1904 г.). Проф. Знаменский при этом поясняет, что брадобритие у нас на Руси стали считать латинской ересью.

У православных греков термин кафолическая ("кафолико") сохранился до сих пор в Символе Веры, о чем, конечно, знали Хомяков, Гагарин и Гезен. Подводя итоги своим исследованиям, Гезен указывает на то, что позднейшие переводчики с греческого иногда как будто сами сознавали, что термины кафолическая и соборная вовсе не тождественны и поэтому ставили рядом два этих выражения (с.101). В конце книги он приходит к заключению, что перевод слова кафолическая словом соборная следует считать неудачным. То же мнение было высказано сравнительно недавно (1950 г.) в объемистом календаре Русского Православного Общества Взаимопомощи, где указывается на неточность термина соборная, ибо он не соответствует главному и наиболее употребительному понятию подлинника, и на то, что нынешнее наименование Церкви соборною не первоначально даже в славянском переводе, история которого обращает нас в подлинному греческому термину "кафолико" (с.314–315).

В наше время материал, посвященный различным объяснениям слова соборная дается иногда периодической печатью, но ссылки на исследования древних рукописей почти никогда не встречаются.

Книга Гезена была издана, когда А. С. Хомякова и о. И. Гагарина уже не было в живых. Однако разбираемые в ней рукописи были известны и раньше, – об Устюжской Кормчей сообщалось в "Христианском Чтении" за 1853 г. (см. Гезен, с.30). Возможно, что о. Гагарин исходил только из основных текстов четвертого века (по-гречески "кафоликэн екллезіен", а по-латыни "католикам екллезіам") и не сослался на историю славянского перевода, потому что и впрямь не знал ее. Однако и

* Или "кривоверный" (см. выше у св. Кирилла Иерусалимского).

Хомяков, по-видимому, не обратил должного внимания на ценные памятники русской старины; во всяком случае он не упоминает о них в своем письме.

Оба оппонента могли в чем-то ошибаться. Тем не менее, эта полемика столет-

ней давности, должна была б и теперь принести пользу уже потому, что она влечет читателя из атмосферы ожесточенных споров в область ознакомления с результатами интереснейших научных исследований далекого прошлого.

Р.Гуардини

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

(Продолжение. Нач. в №65)

Глава пятая

БУНТ

Поэма о великом инквизиторе и ее автор

Введение

Последний и крупнейший из романов Достоевского, "Братья Карамазовы", содержит "Легенду о великом инквизиторе". На первый взгляд она может показаться чужеродным телом; однако, композиционно она настолько важна, что уже одно это обстоятельство предостерегает от поспешных выводов.

В пользу такого заключения говорят и особенности композиции, характерные для творчества Достоевского в целом. Духовная жизнь его персонажей обязана своим – столь чуждым нам – своеобразием прежде всего способу лепки того или иного образа. Для литературы Запада характерно стремление к настолько четкому расположению существенных и взаимосвязанных элементов в характере героя, чтобы в конечном итоге его жизнь можно было свести к одной-единственной исходной точке, – что, в свою очередь, отвечает активно-этическому и историческому характеру нашего бытия. У персонажей Достоевского иная структура. По многообразию черт, вмещаемых здесь в одну и ту же личность, ее хочется сравнить с географическим комплексом такой страны, где есть и равнины, и горы, и реки, и моря. Их единство достигается, по-видимому, сосуществованием, при том, что это последнее может стать единством лишь в том случае, если его спаяет нечто объединяющее, некая общая атмосфера, единый ритм взлета, едва ощутимое дуновение. Создается впечатление, что отдельные компоненты взаимно проникают друг в друга. Отсюда следует, что их структура не может не быть подвижной и открытой. Невольно припоминается различие, существующее, к примеру, в западном искус-

стве между композиционным стилем Рембрандта, с одной стороны, и итальянских мастеров Ренессанса – с другой: центр композиции Ренессанса – везде и нигде, он рассеян, как его свет. Точно так же персонаж Достоевского объединяет в себе такие мысли, тенденции и душевные силы, которые просто-напросто взорвали бы изнутри структуру западной личности... Представляется, что и форма его романов соответствует этой личностной структуре. Разумеется, многие издержки и алогичности произведений Достоевского продиктованы той поспешностью, с которой они создавались. Однако, она лишь обострила то, что было заведомо заложено в самой их сути. Их единство достигается иными средствами, нежели во французском или, скажем, немецком романе.

Отсюда следует, что вопрос об органичности связи фрагмента и целого надлежит решать применительно к Достоевскому гораздо осторожнее, чем по отношению к другим писателям. Тем больше оснований уделить "Легенде о великом инквизиторе" самое пристальное внимание.

Как выясняется, она действительно связана с романом самым глубоким образом.

Нередко практикуемая манера трактовать ее как нечто замкнуто-самостоятельное искажает уготованную ей роль и нарушает художественное единство целого. Более того, все приобретает в этом случае неприятный оттенок демагогии. В действительности, "Великого инквизитора" можно понять лишь в том большом контексте, который определяет его органическую связь с романом как единым целым.

Легенда

Иван, первый сын Федора Павловича Карамазова от второго брака, приезжает по окончании университета домой и встречается там, в "безобразном доме" отца, сво-

его младшего брата Алешу. Между братьями возникает глубокая взаимная симпатия. Сойдясь однажды за обедом в трактире, они начинают излагать друг другу свои взгляды, и Иван посвящает брата в свое пессимистически-анархистское мировоззрение. Алеша возражает: существует Некто, искупивший Собою всю бессмыслицу мира, – Христос. Тогда Иван рассказывает в ответ свою “поэму в прозе” под названием “Великий инквизитор”.

Эпизод завершается короткой дискуссией, пробуждающей предчувствие грядущих трагических событий.

Суть легенды сводится к следующему.

После того как Христос ушел из земной жизни и перестал учить людей, события на земле стали развиваться в дурную сторону. Возникли всевозможные ереси, начали распространяться пороки, люди ожесточились друг против друга. И вот Христос “в неизмеримом сострадании Своем... возжелал появиться хоть на мгновение к народу – к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему Его народу. Действие происходит “в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу Божию в стране ежедневно горели костры”.

И вот Христос появляется там, и все узнают Его.

“Он молча проходит среди их с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в Его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей Его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к Нему, даже лишь к одеждам Его, исходит целящая сила”.

Повсюду пробуждается вера, и Он творит великие чудеса. “И вот, в эту самую минуту вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск... Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на Него руки и уводят Его”.

Итак, Он в тюрьме. Наступает ночь. В

тюрьму приходит великий инквизитор и обращается к Нему со странными речами:

“ – ...Это Ты? Ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю. Кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это, или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь, – прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника” (Б.К. 291–292).

Сам Христос не произносит ни звука. Он просто присутствует. Он смотрит на кардинала, который все говорит и говорит...

Вкратце содержание горячечных речей кардинала таково:

Христос пришел, чтобы принести людям полную свободу и предельную ответственность. Он возвещает и требует святую жизнь в Духе и любви. Именно так и поняли Его люди. Некоторые из них стали отшельниками и пожертвовали всем, чтобы войти в число “избранных”. Но постепенно стало распространяться убеждение, что такой удел мог быть уготован лишь совсем немногим. Нести такую ответственность, выдерживать такую свободу, существовать в столь чистом Духе большинству не под силу. Смирившись с этим, люди исключили из христианства то, что превышает возможности большинства, и придали ему новую форму в соответствии с собственными желаниями и стремлениями. Свободу они заменили “авторитетом”, Дух – “чудом”, истину – “тайной”, под которой подразумевается магия. Теперь народ доволен. Принесенное Христом потеряно. Народ превратился в массу, и это необратимо. Но ему достаточно хлеба, чувственных наслаждений и безопасности, чтобы чувствовать себя счастливым.

Кто же те люди, которые “осчастливили” народ?

Это – те, кто пытался вначале идти дорогой избранных, “отшельников и непорочных дев”. Решение вопроса о судьбе всех других они, видимо, предоставляли

милосердию Божию. Но затем они пришли в смятение. Выносить мир таким, каков он есть, оказалось выше их сил. Такое христианское существование, которое повергает в отчаяние многих, осознающих собственную несостоятельность, и вынуждает иногда отступить даже тех немногих, чьи усилия были искренни; такой мир, в котором страдание не только не уменьшается, но становится бесконечным, – нет, тут что-то не так. И они приходят к выводу, что “деяния Христа следует исправить”.

Они поняли, что с людьми нужно обращаться как с массой и вести их следует к возможности достижимого, тривиального счастья. Это осуществимо, однако, лишь в том случае, если будет выведена за скобки самая суть Христа, т. е. совершенно преступление, ужаснее которого нет. Так эти люди взяли это преступление на себя и посвятили себя служению злу, чтобы обеспечить многим возможное счастье. Правда, отсюда они черпали и сознание неограниченной власти. Они восстали против Бога. Они присвоили себе позицию судей по отношению к Христу. Они взяли спасение людей в свои руки, они господствуют. Средоточием подобных взглядов является Римская Церковь, в особенности ее иерархия, но прежде всего, как ярчайшее выражение ее духа, – орден иезуитов.

Церковь наложила руку на Христа. Она лишила Его возможности свободно обращаться к людям. Он вынужден придерживаться границ и рамок, предписываемых Ему церковной иерархией. Он скован по рукам и ногам, Его наследие переработано – и принадлежит прошлому.

В тот самый миг, когда Он восхотел бы вновь принять человеческий образ и существом из плоти и крови войти в круг людей, Он предстал бы нарушителем порядка, раз и навсегда установленного иерархией, подверг бы опасности спасение людей, он был бы самым настоящим еретиком. И когда этот незванный, своевольный Пришелец действительно появляется среди людей, угроза великого инквизитора сжечь Его днем позже на костре как еретика кажется очень последовательной.

Однако конец поэмы выглядит иначе:

“Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что Пленник его ему ответит. Ему тяжело Его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Стари-

ку хотелось бы, чтобы Тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит Ему: “Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!” И выпускает Его на “темные стогна града”. Пленник уходит.

– А старик?

– Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее”.

Плоскости толкования

Каков смысл “Легенды”?

Ответ, который напрашивается сам собою и так действительно взят на вооружение традиционной трактовкой образа “великого инквизитора”, таков: Достоевский выступает в защиту дела Христа от его злейшего врага, которого он усматривает, однако, не в обычном неверии как таковом, а в экклезиализме, то бишь в подмене живой связи с Богом системой приемов и формул, долженствующих служить гарантией спасения. Благодатная суть христианства вытесняется таким образом техникой достижения господства над людьми и их душами – господства, за которым вырисовывается нечто еще более ужасное: демоническая жажда захвата власти над Самим Богом. Все это воплощает в себе католическая Церковь. Ее антиподом служит религия свободы, Духа, любви и живой христианской полноты сердца.

Тому, кто любит Церковь, нетрудно определить ту меру горькой истины, которая может заключаться в подобных взглядах, и ему не помешают в этом даже те злые передержки, в которых повинны слепота и предубежденность автора поэмы. Но обо всем этом уже писалось, причем лучше, чем в “Братьях Карамазовых”.^{*} Было бы

^{*} И прежде всего – большой друг Достоевского, Владимир Соловьев, с которым тот на склоне лет (Соловьев был тогда еще юношей) провел полгода в знаменитом подмосковном монастыре Оптиной Пустыни, чтобы изучить жизнь русских монахов. Плодом этого изучения стал образ старца в “Братьях Карамазовых”; Алеша списан, как считают, с юного Соловьева. Этот последний перешел позже в католичество, не утратив при этой той проникновенности и полноты, которые характерны для христианства Востока. Поэтому он мог критиковать католицизм с позиций Восточной Церкви, причем делал это несравненно более компетентно, нежели Достоевский. Ср. избранные произведения Соловьева. *Monarchia Sankti Petri*. Mainz, Matthias-Grünwald-Verlag, 1928; *Solowjow, La Russie et l'Église universelle*, Paris (Россия и Вселенская церковь).

естественно поэтому испытать глубокое разочарование, если бы смысл "Легенды" сводился лишь к продолжению старых распрей между Византией и Римом, – ибо представляется, к слову сказать, несомненным, что именовать враждующие лагеря "Восточной Церковью" и "Римом" уже означало бы предвзятость. Если уж говорить об этом, то называя вещи своими именами – "Византия" и "Рим". Человек сведущий знает, какой тяжелейший груз "истории" несет на себе это имя.

Но мы слишком чтим Достоевского, чтобы позволить себе предположить, что этот гениальный психолог мог, даже если бы и хотел, ограничиться одной полемикой. Но если бы он действительно хотел этого, то мы обратились бы к нему не как к полемисту, а как к творцу, исходя из предположения, что за полемическим пафосом скрываются глубинные пласты сути и действуют сокровенные силы инстинкта, души, религиозных побуждений. И мы взяли бы тогда на себя смелость толковать Достоевского вопреки ему самому. Ибо образы великого писателя не подчиняются ему, но следуют собственным законам; они глубже, чем он сам.

Если отказаться от традиционного пути и внимательнее присмотреться к общей картине, то вскоре можно заметить, что критика "Рима" отнюдь не является главной целью великого инквизитора, – точно так же, как те, кто трактует "Легенду" в этом плане, оказывают медвежью услугу самому Достоевскому. Критика была не только его слабейшей, но и неблагодарнейшей стороной. У него было три, а может быть, и четыре противника: социализм, рационалистически-идеалистическая культура Запада, католическая Церковь – и немцы. Впрочем, следует немедленно внести поправку: не "противники", а "враги". Ни одному из них Достоевский не противостоял в полном смысле этого слова. Он не боролся с ними, – он третировал их. Разве социализм действительно исчерпывается опустившимся существом из "Бесов"? На самом ли деле рационализм и техника Запада сводятся к той дьявольской бездуховности, в обличье которой они постоянно предстают в его произведениях (достаточно напомнить хотя бы о "записках из подполья")? Что же касается католической церкви, то даже ее заклятый враг едва ли не увидел бы в ней ничего, кроме того богохульства, которое написано на физиономии великого инкви-

зитора! И, наконец, немец у Достоевского – настолько безрадостная фигура, он так педантичен, узколоб, бездарен, холоден, низок и смешон, и черты эти заявляют о себе столь часто, непосредственно, многопланово и провоцирующе, что за всем этим нельзя не ощутить почти физического отталкивания, периодически пробивающегося наружу... Достоевский не был достаточно внутренне силен, чтобы иметь противников, поэтому он делал их объектами своего презрения. Более детальный анализ мог бы вскрыть корни этой ненависти, уходящие вглубь натуры Достоевского, отягощенной избытком неестественности и необходимостью бороться с навязчивыми идеями.

"Великий инквизитор" – это несомненно борьба против Рима; те же мысли и чувства всплывают и в других произведениях Достоевского, как только речь заходит о католичестве или в повествование вводится образ христианина-католика. Но подлинный смысл легенды – в другом; чтобы раскрыть его, нужно исходить из общей концепции романа.

В действительности легенда имеет отношение к видению черта Иваном, к его речам о мире и Боге. Она равнозначна саморазоблачению Ивана, пытающегося оправдать его свое восприятие Бога.

"Легенда" и христианство

Мысли и чувства, вызванные у меня образом Христа в поэме, – если читатель позволит мне предварить анализ личными впечатлениями, – таковы: вначале меня подхватила и властно повлекла за собой волна истинно христианских эмоций, но затем она постепенно опала, и источник ее стал казаться мне сомнительным. Поэтому я решил принять тот вызов, который ощутил, и поставил вопрос, на первый взгляд парадоксальный: так ли уж не прав в конечном итоге великий инквизитор по отношению к такому Христу? Быть может, этот Христос – действительно "еретик"? И когда рассудок стал искать причину ощущения, становившегося все сильнее, – я понял, что в этом образе Христа христианское начало предстает вне тех категорий, которые составляют его сущность.

Христианское в этом Христе – это абсолютная самоответственность, и в то же время необычность. Это христианство не имеет никакого отношения к рядовому, повседневному, – к той почве, на которой

стоит человек. Надо ли говорить, сколь далеки мы от апологии повседневного? Тот, кто способен любить Достоевского, едва ли забудет, что человеческое существование простирается и ввысь, и вглубь и что, следовательно, в срединной своей части оно подвержено воздействию и с той, и с другой стороны. Но как высокое, так и низкое – это лишь границы. Жизнь невысказанна без срединной части, от которой, однако, постоянно требует решения относительно вершин и низов. Жизнь, лишенная середины, становится фантастической, ибо середина – это сфера осуществления, пашня и мастерская бытия. Решения относительно высокого и низкого должны реализоваться именно здесь, чтобы обрести реальность.

Середина – это сфера осуществления в самом точном смысле слова: она заключает в себе все, что именуется возможностью, мерой, дисциплиной, порядком, здоровьем, традицией и является также носителем решающей, хотя порой и представляющей собой сухой ценности, которая определяет честность бытия, все то, что мы называем “характер”. Пожалуй, самое резкое возражение против картины человеческого существования, нарисованной Достоевским является то, что в нем отсутствует середина. Это понимаешь как-то вдруг, замечая, например, что герои его романов заняты всевозможными вещами, кроме одного: ни один из них не работает. “Работа” же здесь представляет всю сферу повседневного человеческого существования, с его заботами, его ответственностью и его достоинством.

Эта срединная сфера охватывает также и историческую действительность, т. е. ту сферу, где не только рискуют и страдают, но где заложены корни продолжительности человеческого бытия. Именно здесь идеи обретают плоть, импульсы преобразуются в институты, умонастроения претворяются в закон и порядок. Действия здесь ответственные, последовательные решения претворены в действительность, именно здесь идет борьба за преобразование действительности.

В этой сфере выступает Церковь как конкретно-историческое воплощение христианского начала. По самой сути своей это Церковь всех, а не только избранных, Церковь повседневного бытия, а не только героических часов. Как и сам человек, Она простирается от некоей срединной зоны вверх, ввысь, и вниз, в глубину.

Таким образом, Церковь служит выражением не только идеи экстремальности, но и, причем едва ли не в большей мере, повседневных возможностей христианства.

Однако христианство “Легенды” не имеет в сущности никакого отношения к этой срединной сфере и тем самым становится ирреальным.

В то же время оно включает очень тонко задуманный бунтарский элемент, порождаемый стремлением признавать христианское начало лишь в его “чистом виде”. Ставить знак равенства между “христианским” и идеально-христианским, отвергать ступенчатость, постепенность, несовершенство – значит в сущности бунтовать против Бога, олицетворяющего Любовь и Смирение, или, в нашем контексте, Действительность.

Это ведет, однако, еще глубже. Тот, кто раскрывается для восприятия образа и Духа Христа, живо запечатленного в Новом Завете, видит, что в качестве фона здесь выступает творение. Не вызывая нареканий как дело рук Божиих, оно подлежит суду и наказанию лишь вследствие своей греховности и отхода от действительности. Призыв к раскаянию означает вместе с тем и требование преобразовать реальный мир. Творение продолжает оставаться той областью, с которой соотносено Откровение; это и не может быть иначе, если мир сотворен Логосом, и Логос стал человеком, чтобы принести ему искупление.

Разумеется, мир нельзя рассматривать как нечто самодовлеющее; он возник лишь благодаря Богу, Его волей и благодатью, – и все же он, именно благодаря Богу, действительно реален и исполнен смысла. Несмотря на грехопадение, он не перестал быть творением, не превратился в ничто или в нечто бессмысленное, равно как и не стал – сам и как таковой – “грехом”. Умозаключения такого рода диктуются не строгостью в подходе к проблемам христианства, а юридически вымученной постановкой этих проблем. В любой истинно христианской трактовке творение хоть и “осуждается”, но в то же время и принимается как данность. Творение не есть ничто; точно так же нельзя считать его и однозначным воплощением зла, лишь парадоксально оттеняющим то, что исходит от Бога. Утратив первоначальную гармонию, творение остается, тем не менее, делом рук Божиих и объектом искупления. Все христианские понятия сле-

дует трактовать именно с этой точки зрения. Они призывают жить так, чтобы стало возможным появлением "новой твари"; это предполагает, однако, что исходным пунктом остается старое творение и что его божественное происхождение неразрывно связывает его с новым.

Таким образом, отношение Христа к Отцу определяется не только жертвенным послушанием Того, Кого Отец обрекает на смерть, посылая Его в отпавший от Бога и обезумевший мир, т. е. в полную бессмыслицу, но и восхваляющим Отца повиновением вочеловечившегося Логоса, Который воспринял плотью и душой дело Отца, чтобы нести его новому творению.

У Христа же из "Великого инквизитора" нет связи с миром. Не связан Он единой сутью и с сотворившим мир Отцом. Он не достоверен в качестве Логоса, создавшего мир и призванного Своим вочеловечением воссоздать его заново. В этом Христе реальный мир не пробуждает той святой любви, которая очищает и преображает его; Он воплощает одно лишь сострадание, уводящее прочь от мира.

Это – Христос, лишенный всех и всяческих связей, Христос Сам по Себе. Он не представляет ни Отца в мире, ни мир – пред Отцом. Он не любит мир таким, каков он есть, и не ведет его за Собой к вечному обиталищу. Он – не Посланник и не Спаситель. Он – не посредник между истинным Отцом на небесах и реальным человеком. Он не занимает, собственно, никакой позиции. Он потрясает, но не исходя из ясного основания и не ведя к ясной цели. Поэтому потрясение вызывает недоумение, а в конечном итоге – отчаяние.

Не слишком ли рискованно утверждения такого рода? В том, что это не так, можно убедиться, перечитав под этим углом зрения сначала Евангелие, а затем – "поэму". Достаточно испытать на себе влияние этого образа и вчувствоваться в то, что он излучает в действительности...

Но тут же возникает вопрос: кем создан образ этого Христа? Человеком, который сам не верует в Спасителя, но тем не менее стремится навязать как некую норму идеалистическое порождение своего неверия тому, чья вера смиренна и естественна! Человеком, который – скажем больше – едва ли верит в Бога! Или вернее, по его собственным словам, в Бога верует, но "мира Божьего не принимает" – темное, мучительное сочетание "да" и "нет", обла-

дающее большей разрушительной силой, нежели просто отрицание Бога. Немудрено, что к такому человеку может явиться дьявол, каждым своим словом давая ему понять, что они – заодно!

"Легенда" отнюдь не равнозначна радикальному, но выстраданному требованию очистить христианство от всего наносного. Не служит она и теоретическим выражением идеи очищения христианства. Она – ответ Ивана Алеше в тот момент их беседы, когда младший брат пытается пробить брешь в пессимистически-анархическом мировоззрении старшего, ссылаясь на Спасителя. Она явно призвана служить оправданием и этого мировоззрения, и самого Ивана.

В чем же состоит "поправка", внесенная великим инквизитором в христианство этого Христа? В том, что он видит человека таким, каков он есть: с его ограниченными возможностями, его слабостями, его тривиальностью. Все это, однако, возводится в абсолют и тем самым полностью искажается. Вместо настоящих христианских срединных ценностей выступают их демонически-банальные искажения. Конечный результат этого процесса – внушающий ужас "человек массы". Подобные действия можно с полным правом обозначить как антихристианские, сатанинские. Но сатана может исказить что-либо лишь в том случае, если он обнаруживает какое-то уязвимое место в структуре целого, – говоря конкретно, ущербность христианской установки этого Христа, связанная как с ее ирреальностью, так и с ирреальностью человека, которому она адресована. Таким образом, великий инквизитор восстанавливает в правах то, что было вытеснено. Он признает, что человек таков, каков он есть. Он дает ему то, с чего начинается вся и всякая любовь: христианство апеллирует к реальному человеку, а не к тому, каким ему надлежало бы быть. У него есть терпение. Ему ясен смысл повиновения и всей системы действительного поддержания порядка в реальном мире. И только потому, что он и в самом деле приходит на помощь изнасилованной действительности, он оказывается затем в состоянии столь глубоко ее испортить и заменить демонической структурой своего мира!

Но что же могло побудить Ивана создать такой образ Христа? Его собственное ущербное мировосприятие.

Глубокое, но разрушительное сострада-

ние людским бедам мучает его. Сострадание это почти инстинктивно, оно не высветляется и не осмысливается с этической точки зрения. Характер этого сострадания становится совершенно очевидным, если вспомнить, как рассказывает Иван о страданиях детей, – мальчика, затравленного собаками на глазах у матери, или маленькой девочки, над которой изощренно издеваются ее родители-садисты! Извините за откровенность, но смысловые корни легенды идут именно туда... А чего стоит эпизод с турками, которые сперва ласкают младенца на руках трепещущей матери, а когда тот начинает смеяться, раздробляют ему выстрелом голову, – причем Иван добавляет, что турки, как говорят, “очень любят сладкое”!

Истоки этого сострадания следует искать в сфере чувственного, притом большой чувственности. Отсюда – эта экспрессивность при сопереживании страданий мира, эта мучительная и в то же время непреодолимая потребность погружаться в них вновь и вновь.

Затем мы узнаем, что Иван не приемлет этого мира. Правда, он признает существование Бога, его сотворившего, но считает вместе с тем, что к творению Божию не приложимы масштабы разума, справедливости и доброты. В нем преобладает неразумное, “не-эвклидово” начало.

Так, значит, Иван проповедует рационализм, добротн-буржуазный порядок? Ничего похожего; об этом еще пойдет речь ниже. Но он отрицает как спасительный рецепт и апелляцию к вечности, к тайне всеведущего Бога и Его любви. Справедливость должна существовать уже здесь, на земле. И опасаясь, как бы его протест не потонул в нескончаемом хороводе любви, в преображении воскресающих людских толп и осанне ликующих хоров, Иван формулирует его раз и навсегда: он “возвращает Богу билет”. Итак, он отвергает действительность как тайну Божию, а вместе с ней – и ту позицию, которая принимает действительность такую, какова она есть, т. е. повиновение и терпение.

Но это ужасающе-бессмысленное, “не-эвклидово”, это страдание мира вызывает в Иване такое волнение, что становится очевидным: он ищет и хочет именно этого! Потому-то и выносит он этому миру столь суровый приговор, что его больные нервы заставляют его любить зло, повинное в вынесении приговора!.. И потому, что он

любит мир этой своеобразной любовью, он не отмежевывается от него, несмотря на ожесточеннейшую критику, а, напротив, держится за него, – так сказать, “в бунте”, не переставая считать его воплощением зла.

Великий инквизитор – это сам Иван в той мере, в какой он отвергает мир как неудачное творение Божие, притязая на право судить о нем иначе и лучше, нежели Сам Творец... Но Иван же и любит этот самый мир мучительной, болезненной любовью, он же и не хотел бы видеть его иным, ибо только такой мир может давать ему искомое, он же и стремится сохранить его в прежнем состоянии, чтобы иметь возможность протестовать против этого состояния – и одновременно наслаждаться им.

Иван не приемлет творение Бога, потому что любит это творение отвратительным образом... Но не для того ли отвергает он его, чтобы объединить дело рук Божиих от Творца и получить его таким образом в собственное распоряжение – как объект возмущения и узурпации, обладающий для Ивана особой привлекательностью? Случайно ли то, что ему является черт? И то, что именно объединяет его таким отталкивающим, глубоким и непостижимым образом с Лизой Хохлаковой, этим парадоксально извращенным ребенком, в жизни которого дьявольское уже играет определенную роль?

Но какое же отношение имеет все это к образу Христа? Самое непосредственное. Этот Христос служит оправданием Ивану.

Этот Христос узаконивает позицию возмущения, так как он не занимает конкретной позиции послушания по отношению к реальному миру и к создавшему его Отцу... К тому же этот Христос не может нанести никакого вреда миру, о котором идет речь и который, как этого требуют темные и тайные инстинкты Ивана, должен оставаться неприкосновенным – но может потому, что его “Христианство” столь своеобразно, что он предельно далек от всего, достигаемого повседневным послушанием, а тем самым – и от Церкви; более того, он противостоит Церкви. Он делает немыслимым преобразование христианством реального мира и отдает его таким образом на милость узурпатора, – Ивана.

Христос из “Легенды” – это и самооправдание Ивана, и в то же время, так ска-

зять, негласное обезвреживание христианства, трактуемого с позиций абсолютной, то бишь отвлеченной "чистоты".

Следует, однако, уже сейчас добавить кое-что относительно этого мира, которого не признает Иван.

Помимо всего прочего, это – мир, где существует его отец. Действительность, устроенная так, что отец его может чувствовать себя в безопасности, претендовать на уважение, располагать немалыми средствами, волочиться за Грушенькой...

Сотворенный же Иваном Христос, Который, не имея отношения к реальному миру, игнорирует тем самым Отца Небесного, предстает также как последняя иде-

(Продолжение следует)

Протоиерей Д. Константинов

СЛОВО О СЛЕПОМ

Слепцы бывают двух родов: слепцы физические и слепцы духовные. Иногда они как бы соединяются в одном человеке, сочетая духовную и физическую слепоту. Но в наше, совсем необычное, время встречается неизмеримо больше слепцов духовных, чем физических. И это не случайно. В периоды духовного кризиса человечества весьма интенсивно возрастает количество духовных слепцов, волей или неволей исполняющих подсобную службу темных сил.

Видя, что Учитель обратил внимание на слепого, ученики Его спрашивают: кто согрешил – слепой ли или его родители, естественно усматривая слепоту как наказание за грех. Точка зрения весьма распространенная в то время среди верующих иудеев. Господь отвергает эту точку зрения как единственно верную для объяснения феномена врожденной слепоты. Он не отвергает ее абсолютно, но обращает внимание учеников на иное толкование причин несчастья этого человека, которое часто имеет место в нашем мире.

"Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии" (Иоанн, IX, 3). Вот об этом часто забывают в том числе и верующие люди, охающие и стонущие под бременем свалившихся на них несчастий. А, между тем, свалившиеся на нас несчастья, кажущиеся нам такими страшными и быть может даже роковыми, на деле ока-

лизация желания Ивана, чтобы его отец перестал существовать.*

Разве не ужасна фраза, которую выкрикивает Иван в зале судебного заседания и которая могла бы послужить эпиграфом ко всему процессу: "Кто не желает смерти отца?.." И невольно вспоминаешь слова юной Лизы, странным образом предвосхищающие эту фразу: "Послушайте, теперь вашего брата судят за то, что он отца убил, и все любят, что он отца убил".

* Это было написано до того, как я ознакомился с исследованием З. Фрейда "Достоевский и отцеубийство" (в книге "Die Urgatalit der Brüder Karamasoff" (Первоначальный вариант братьев Карамазовых) – и задался вопросом, допустима ли подобная трактовка опубликованного текста.

"И проходя увидел человека, слепого от рождения"

(Иоанн, IX, 1)

зываются необходимыми не только для нашей духовной жизни, но и для более широких и кардинальных задач, выявляющих дела Божия, снисходящие Свыше. В самом деле – не стал ли евангельский слепой, исцеленный Иисусом, всемирно известным не только как лицо, о котором повествуется в Евангелии, но и как сконцентрированное решение наболевших проблем, связанных с тем миром страданий, в которых пребывает постоянно большинство человечества.

И, отвечая на вопросы спрашивающих бывшего слепца, – как он прозрел, – он сказал: "Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: 'пойди на купальню Силоам и умойся!' Я пошел, умылся и прозрел" (Иоанн, IX, 11).

Происшедшее вызывает своего рода шок среди еврейского духовенства и ученых евреев, узнавших о новом чуде галилейского Проповедника. Мнения разделились. Приверженцы формального понимания закона упрекают Иисуса, что Он исцелил слепого в субботу, когда формально это было делать нельзя. "Не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы" (Иоанн, IX, 16). Эта чисто законническая точка зрения (тоже нужная на своем месте) сталкивается с другой, не отрицающей первой, но как бы дополняющей и раскрывающей тайный смысл религиозных установлений того времени. "Другие

говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? И была между ними распря" (там же). Распря или иначе спор (или по-современному дискуссия) идет не только по линии преклонения перед чудесным исцелением слепого от рождения, но одновременно, тем самым, ставится вопрос: можно ли в субботу делать людям добро, ибо исцеление это огромное добро для слепого, получившего избавление от своего безнадежного недуга. Отказ от признания правомочности действий Спасителя с точки зрения формального понимания закона вводит нас в дебри религиозного формализма, обычно кончающегося окостенением и гибелью религии, или, во всяком случае, вежливого признания ее лишь совокупностью "полезных мифов", но не более этого. Последняя точка зрения – вежливого отрицания вообще реального значения религиозного осмысления жизни и сведения исторических фактов, связанных с ним, к религиозным мифам и не более этого, – достаточно громко заявила о себе в современной российской печати и в кругах вдребезги расцерковленной современной российской интеллигенции, в дополнение ко всему абсолютно не знающей того, что она самоуверенно отрицает. Не столь давно мне была прислана листовка, извещавшая, что Петрозаводский государственный университет проводит в июне 1993 г. международную конференцию – "Евангельский текст в русской литературе 18-го – начала 20-го веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр". Задача конференции заключалась в том, чтобы привлечь внимание исследователей к неизученному, репрессированному в советской культуре, но богатому пласту русской литературы, который во многом определяет ее характер в течение последнего тысячелетия.

Среди десятка тем, намеченных к обсуждению на конференции, имеется и следующая: "МИФ о втором пришествии Христа в русской литературе". Ложная, почти "догматическая" сила мифа продолжает довлеть над представителями современной российской интеллигенции, подменяя реальные знания в области религиозного стандартными и, в данном случае, бессмысленными охулками советской антирелигиозной пропаганды. Религиозные "мифы" в своем большинстве давно развенчаны современной западной наукой и перешли из категории "мифов" или сказаний в реальные факты реальной

истории.

В этом плане весьма небезразличными являются детали беседы исцеленного Господом с представителями местной религиозной элиты.

"Итак вторично призвали человека, который был слеп, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник. Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу. Снова спросили Его: что сделал Он с тобою? как отверз твои очи? Отвечал им: я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?" (Иоанн, IX, 24–27).

Представители традиционного религиозного мышления утверждают, что они ученики Моисея, а с Моисеем говорил Бог. Моисея они знают, а откуда вдруг появился Иисус, исцеливший слепого, и кто Он – они не знают. И в ответ на это утверждение прозревший слепой говорит им весьма реальные и одновременно неприятные для них вещи.

"...Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает; от века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному; если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего (Иоанн, IX, 30–33).

Реальность происшедшего сталкивается с упорством догматиков, не желающих видеть того, что они не могут вместить в себя. И дело здесь идет не о нарушении или отрицании тех или иных религиозных догматов, а о совмещении их с реальными фактами происходящего. Речь идет о гибком духовном реагировании на все истинно происходящее, реальная оценка которого является достоянием духовно зрячих людей. К таковым отнести евангельскую иудейскую духовную элиту никак нельзя. Тупое и подчас злобное упрямство превращает их в духовных самодовольных и безнадежных слепцов, упорно не желающих объективно и благожелательно вникнуть в то, что перед ними совершилось и совершилось совсем не случайно, свидетельствуя, что и они не оставлены Божией заботой и Божией милостью.

Но не милость Божия, а самоуверенное самоутверждение своего духовного господства и духовной правоты доминирует в словах еврейских ученых книжников и фарисеев, "напутствовавших" выгнанного

ими исцеленного человека.

Так было давно и вошло в историю религиозного мышления всего христианского мира. Но это давно повторяется опять на нашей страдающей родине. И снова скепсис, порожденный советской антирелигиозной пропагандой и аналогичным антирелигиозным школьным воспитанием, а равно и ожесточенной борьбой с "религиозными предрассудками", заставляет часть современной российской интеллигенции оставаться слепой и глухой к евангельскому благовестию как "к ненаучной" точке зрения.

И не понимают эти духовно слепые не по своей вине люди, что их "научная" точка зрения – это детский лепет, лепет неосмысленный и нелепый перед теми подлинными мировоззренческими глубинами, которые раскрываются в религиозном осмыслении мира.

Духовная слепота, искусственно созданная мнимым приоритетом науки над религиозным мировоззрением, существует сейчас в России. Многие слепые, отравленные рационализмом "марксистского мировоззрения" люди, не могут перешагнуть порога рационального и понять, что имеются иные измерители и иные реальности, выходящие за пределы наших пяти далеко не совершенных чувств. И как близка духовному состоянию России заключительная беседа Господа с исцеленным Им человеком.

"Иисус, услышав, что выгнали его вон, и нашед его, сказал ему: ты веруешь ли в сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! и поклонился Ему" (Иоанн, IX, 35–38).

Москва

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией

или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem